

Дэш Хаоцки

Сууширский Фарс

ШЕЛЬЯАР

Дэш Хаоцки

Сууширский фарс. Часть 2 + бонус

«Автор»

2026

Хаоцки Д.

Сууширский фарс. Часть 2 + бонус / Д. Хаоцки — «Автор», 2026

Все догадываются, что Суушир - это секретный полигон главы Высшего совета кураторов Цитадели, где он растит свою уникальную маленькую армию. Но только Саартану удаётся раскрыть все тайны мира, которого нет ни на одной карте Шельяара. В каждом мире есть своё пророчество о конце света. И Суушир не исключение. А если ты от рождения являешься сосудом для Великой Тьмы, то тебе прямая дорога в Разрушители. И не важно, что ты по натуре добрый и наивный: пророчество возьмёт тебя в лихой оборот, а хитрый демиург

© Хаоцки Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вампир, дракон и большая афера	6
Домик между	7
Плут	16
Полигон	21
Семя	33
Кошка на мели	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дэш Хаоцки

Сууширский фарс. Часть 2 + бонус

Шельяар. Книга седьмая

Сууширский фарс

Часть

II

Вампир, дракон и большая афера

Глава

I

Домик между

День не задался с самого утра. Нет, с самым днём всё было в порядке: ясный, солнечный, тёплый. Птички щебечут, ласковый ветерок колышет густые кроны деревьев, с заднего двора раздаётся деловитый звук топора, а с кухни тянет жареным мясом и пряностями. Всё, казалось бы, замечательно. Живи и радуйся. А Саартан злился. Его раздражали и птички, и ветерок, и солнечные лучи, нагло лезущие в комнату. А топор и мясо вовсе вязались в далеко не мирную картину. Но главным раздражителем была хозяйка дома, в который Хранителя определил Лэуорд.

Маленькая и с виду хрупкая целительница Дейдрре имела привычку, едва разгорится утро, врываться в спальни к своим постояльцам — тем из них, которые числились у неё в списке пациентов (а это почти все) — как самое настоящее торнадо. Запертые двери её никогда не останавливали, — у хозяйки дома были ключи от всех дверей — а магическую защиту Дейдрре просто игнорировала, да ещё потом штрафовала за попытки хоть как-то отгородиться от её заботы. Целительница проносилась по комнате, раздёргивала шторы и открывала настежь окна, впуская в комнату вместе с обычно ярким здесь, в Норвантере, солнцем бодрящий утренний воздух. Хлопала в ладоши и радостно оповещала несчастных опекаемых ею постояльцев о начале процедур. Лечебных.

Саартана это жутко бесило. Не сам ранний подъём, и даже не нудные и непонятные обязательные процедуры, а именно такое беспардонное отношение к границам его личного пространства. У мужчин по утрам бывают самые интересные состояния, и присутствие в комнате посторонней женщины, не той, с которой провёл ночь, определённо смущало. Саму Дейдрре это несколько не трогало.

— Я же целительница! — возмущённо всплёскивала она руками. — Це-ли-тель-ница! Мне важно знать о любых состояниях своих пациентов.

И ты хоть успорься. Хоть головой о стену бейся — переубедить эту страшную в своей решительности вылечить всех и вся женщину не удастся. Саартан уже и не пытался, собственноручно. Бурчал под нос и огрызался, но терпел. Правда, каждое утро осторожно намекал, что он уже здоров и прекрасно себя чувствует. И каждый раз получал в ответ одно и то же:

— Мне виднее.

И так уже почти месяц. Хегг ушёл относить извлечённого из Кофы хаима домой, к Истоку. Лэуорд хоть и навещался в домик целительницы изредка, вызволять Хранителя из лечебного плена не торопился. К слову, Дейдрре оказалось той самой любимой женщиной джинна, от которой он отказался по каким-то своим якобы благим соображениям. И Саартан не брезговал использовать этот факт в качестве маленькой мести советнику Лиги за своё добровольное заключение.

Это утро началось так же, как и предыдущие: с сиреневого урагана в спальне Хранителя — у целительницы и глаза, и волосы и даже основная часть гардероба были цвета сирени — распахивающего шторы и окна, хлопающего в ладоши и громко требующего немедленного пробуждения. Исключением было отсутствие неизменного подноса с инструментами для процедур, которые Хранитель про себя называл не иначе, как пыточными.

— Меня наконец-то выписывают? — с надеждой спросил Саартан, выбираясь из-под вороха одеял.

Целительница одарила его укоризненным взглядом.

— Что значит — наконец-то? — обиженно спросила она и встала прямо перед Хранителем, уперев руки в бока.

Саартан заёрзал, пытаясь натянуть штаны так, чтобы до конца процесса одевания одеяла не сползли с колен на пол. Отвернулась бы ради приличия! Дейрдре отворачиваться не собиралась. Смотрела требовательно и строго. Хранитель встал, поправился и затянул на штанах пояс. Глянул на целительницу сверху вниз, ухмыльнулся вскинутому с вызовом подбородку и поджатым губам Дейрдре — разница в росте определённо радовала. Ответил:

— Я безумно счастлив лицезреть вас каждое утро у себя в спальне, мадам, но всему есть предел. Так выписывают?

— Ещё чего! — Дейрдре стойко вынесла прохладный взгляд и ядовитый тон и не только не отступила перед нависшим над ней Хранителем, но и толкнула его в грудь своим бюстом. Небольшим, надо отметить, но чтобы заставить Саартана сделать шаг назад — хватило. — Рубашку надень и за мной топай. Можешь босиком, мы по тоннелю пойдём.

По тоннелю — это в соседнее с домиком самой целительницы здание, где располагались комнаты для постояльцев. Для обычных постояльцев, тех счастливчиков, которые в списках пациентов у Дейрдре не значились. Саартан ещё какое-то время поглядел на целительницу, вздохнул, признавая своё очередное утреннее поражение, и потянулся за рубашкой.

Тоннель соединял дом, в котором целительница жила и где вела свою врачебную практику, с гостиницей, которую она содержала. Он проходил под землёй и выходил напрямик в холл большого двухэтажного и двухсекционного здания. Две секции — одна направо, другая налево — носили названия Светлая сторона и Тёмная сторона соответственно. В Светлой обитали постояльцы из числа Гильдии, в Тёмной — из числа Лиги. Постояльцев, которые не принадлежали ни к одной из названных организаций, Дейрдре расселяла на своё усмотрение. Холл на первом этаже и просторный богато обставленный зал на втором считались нейтральной территорией, где вели переговоры, разрешали споры и просто общались. Магией пользоваться запрещено (кроме бытовой и самой необходимой, разумеется), оружие носить при себе можно, но применять — нельзя. За каждое отступление от правил штраф в монетном эквиваленте. Дейрдре деньги любила, но цены не завышала. Разве что иногда для Лиги. Саартан решил, что это что-то личное между целительницей и джинном. Бывший муж, всё-таки. Как тут устоять?

К удивлению Хранителя, Дейрдре в холл подниматься не стала, а повела Саартана в подвал под гостиницей. Саартан там ещё ни разу не был. Среди постояльцев ходили слухи о шикарном винном погребе, но он явно был не тут. Потому что оглядывающийся по сторонам Хранитель не нашёл ни намёка на деревянные бочки. Или хотя бы вообще что-то деревянное. Стены обиты чем-то подозрительно напоминающим стеклопластик, в который вдавлены лампы, на первый взгляд даже электрические. Двери, непонятно что скрывающие за собой, больше похожи на люки кораблей, только полукруглые, без винтелей и с маленькими прямоугольными окошечками с задвижкой. Камеры? Саартан поёжился и покосился на шествующую впереди целительницу. Как-то не вязалась у Хранителя обстановка подвала с её зельями, порошками и прочими магическими и не очень научными примочками.

— У нас тут новый постоялец, — Дейрдре остановилась у одной из дверей-люков и повернулась к Саартану.

— В подвале?

Все нехорошие мысли, вероятно, отразились у Хранителя в голосе и на лице, потому что целительница надулась и тут же встала в боевую позу: руки в боки, голова вскинута, губы поджаты, взгляд взыскующий.

— И что такого? — спросила Дейрдре. — Некоторым вон уютнее всего в пещере. Подвал как подвал, а комнаты ты даже не видел, чтобы критиковать.

— Да я и не критикую, — Саартан примирительно поднял руки. — Мне любопытно, зачем здесь я. Если тут всё так здорово. Буянит?

— Постоялец-то? — целительница вдруг как-то сникла и потупилась. — Да как все новенькие. Кто в помощи нуждается.

Саартан чуть не рассмеялся. Кхекнул в кулак, чтобы сдержать рвущийся наружу смешок. Уточнил:

— Так это ваш новый пациент помимо прочего?

— Не знаю, пока. Осмотр сделать нужно. А он против. Категорически. Но такой худенький! Ты бы его видел! И бледный, белый прям! С головой не порядок, это сразу видно. Я, правда, его только через окошечко видела.

Хранитель всё же крикнул. Пришлось изобразить глубокое раздумье, когда сиреневые глаза подозрительно прищурились.

— И чего же вы хотите от меня? — спросил Саартан как можно серьезнее.

— Подстраховать. Вдруг он решить смыться раньше, чем я его осмотрю.

Ага, а то, что пациент на самого осмотрщика кинуться может, эту маленькую боевую женщину не волновало? Саартан хоть и не пытался наброситься, но поначалу тоже вёл себя... несдержанно. Да кто угодно будет вести себя несдержанно, увидев поднос с острыми предметами и щипцами! Да и требование раздеться догола сдержанности ещё никому не прибавляло...

— Что, некого больше попросить? Я на вышибалу не тяну.

— А нет никого, — Дейрдре пожала плечами. — Кто на полигоне, кто в городе по делам... А мужа просить не хочу. Он ведь перестараться может, покалечить.

Муж у целительницы — ходячая гранитная скала под штормовым небом: этакий монолит из мышц и сухожилий, черногривый, породистый. Мрачный до мурашек, не в пример вечно улыбающемуся белобрысому Лэуорду. Можно сказать, полная его противоположность. И, вроде бы, тёмный маг. По крайней мере, очень похож. И такой точно может перестараться, защищая свою женщину.

— Массовый побег? — спросил Саартан про «нет никого». Поймал обиженный взгляд, усмехнулся. — Я, кстати, не обязан помогать вам причинять лечение.

— Да ты живёшь в моём доме, ешь мою еду! — возмутилась целительница. — Должна же быть от тебя хоть какая-то польза?!

— За меня платит Лига.

— За твой скверный характер мне никто не платит! Что за мужики пошли?! Некому сильное плечо подставить попавшей в беду женщине!

— Ладно! — Хранитель закатил глаза. — Открывайте вашу тюрьму... палату.

Как и предполагал Саартан, двери открывались не ключами, а приложением руки к прямоугольнику на стене. Технологично до странности. Драконы, эльфы, некроманты и вдруг — идентификационное устройство. Но если вспомнить, что Фаарха растит в Суушире будущих кураторов, то всё вписывалось в одну картину вполне органично.

Постоялец прыгнул к двери сразу, как только она отворилась. Саартан оттолкнул целительницу и заслонил собой. Что-то белое врезалось в него, зарычало и вцепилось зубами в руку, которой Хранитель успел прикрыться. По предплечью разлился обжигающий холод. Ядовитый он что ли? Не хватало потом на радость Дейрдре ещё и от заражения лечиться!

— Мы с миром! — вырвалось у Саартана, когда он не совсем миролюбиво отбросил постояльца обратно в палату.

Помимо высокого роста тело Дафтраана радовало ещё крепкими мышцами и способностью мгновенно аккумулировать силу в нужном месте. Очень удобно.

Не успев коснуться пола, постоялец прыгнул снова, вытягивая перед собой кулаки. И неожиданно резко прервал свой прыжок, встал как вкопанный в нескольких дюймах от острия появившейся перед ним шпаги Хранителя. Но смотрел он не на почти упирающееся ему в грудь лезвие, а на собственные руки.

— Что за чёрт? — пробормотал постоялец. Поднял голову и вопросительно уставился на Хранителя. — Где они?

— Кто? — Саартан моргнул, его шпага опустилась.

— Я же говорила, — выглянула из-за его спины Дейдрре. — С головой не дружит.

Постоялец сделал шаг назад в палату, остановился, хмуро переводя взгляд с Хранителя на целительницу и обратно. Саартан отметил, что у действительно белого от волос до ресниц и бровей человека в белом же костюме, гетерохромия: один его глаз был голубым с синими прожилками, а другой — малиновым с красными вкраплениями. И да, альбинос был бледный, что, собственно, нормально для альбиносов, и очень худой.

— Что это за место? — спросил разноглазый.

— Это дом целительницы...

— Это мой дом...

Хором ответили Саартан и Дейдрре. Хранитель мотнул головой, уступая право говорить хозяйке.

— Ты в моём доме, — сказала Дейдрре, разглядывая постояльца из-под руки Хранителя. — Тебя принесли без памяти, но я не успела проверить, не ранен ли ты.

— Не ранен, — альбинос отступил ещё на шаг.

— Это мне решать, — целительница сделала попытку протиснуться в камеру, но Саартан не позволил и загородил проход собой. Дейдрре хмыкнула и прижалась к его боку, чтобы расширить себе обзор. — Здесь ты в безопасности, а я хочу помочь.

— Мне не нужно помогать! — рыкнул разноглазый. — И тыкать в меня железяками тоже не нужно!

— Я уберу оружие, если ты дашь слово не нападать, — спокойно сказал Саартан.

— Что мне мешает слово нарушить?

— Не знаю. Совесть? Нежелание портить себе карму? Честь?

Альбинос презрительно скривился.

— Вы в каком веке живёте? — спросил он насмешливо и немного расслабился.

— А тебе от какой точки считать? — оживилась Дейдрре. — От начала спячки Земнотверда или от пришествия Семизвездья?

— Ч-чего?!

— Некоторые ведут отсчёт лет со дня сотворения Острова Богов, что на мой взгляд правильно и верно. Ведь когда Земнотверд заснул, Солн ещё не был таким мягким, как сейчас, а, значит, жизни в мире тогда быть не могло...

— Подождите! — разноглазый выставил руки перед собой как щит. — Какие, нахрен, боги?! Где я?

— В Суушире, — целительница озадаченно хлопнула ресницами. — Где ж ещё.

— Это... планета?

— Мир такой. Он на самой окраине Шельяара...

— Ох!.. Шутите?!

— Она не шутит, — Саартан ухмыльнулся и убрал шпагу. — А ты откуда?

До Хранителя начало доходить, что постоялец — обычный попаданец. В прямом и переносном смыслах. Беднягу вытащили из его мира и закинули в этот. Попал — так попал. По самые уши. Острые, кстати, как у эльфа, только покороче и почеловечнее.

— С Земли, блин!

— О... С какой из?

— Так ты слышал о Странниках?

— Не... уверен, — Саартан задумался. — Поговорим?

Альбинос склонил голову, прислушиваясь к чему-то, принялся. Ещё раз оглядел Хранителя и целительницу, которая всё-таки умудрилась оказаться спереди Саартана, прижимаясь к нему спиной. Кивнул.

— Входите, — разрешил он и попятился к койке.

Дейдрре разве что вприпрыжку не побежала к бедному попаданцу. Хранитель чертыхнулся про себя, прикрыл дверь и быстро проследовал за целительницей, на всякий случай разогревая в ладонях силу. Но альбинос пока нападать не собирался. Забрался на койку с ногами, забился в самый угол и угрюмо зыркнул оттуда на незваных гостей.

— Трогать себя не дам, — предупредил он направившуюся к нему Дейдрре.

— А как же?..

— Не дам. Покусаю.

— Вот об этом, — Саартан уселся на тумбочку рядом с койкой и оттянул вверх рукав своей рубашки. На коже виднелись два ровненьких красных отверстия без следов крови. А ведь почти до кости прокусил! — Ты что — вампир?

— Как догадался? — альбинос осклабился, демонстрируя тонкие клыки-иглы. — Обычно я сразу насмерть, но тут что-то мешает быть ловким и сбивает с толку. И оружие не даёт достать. Типа помехи. Какой-нибудь генератор блокирующих волн?

Дейдрре осторожно присела на краешек койки.

— Блокиратор, да, — подтвердила целительница, и гордо добавила: — Выторговала у Лиги. Чтобы пациенты не смогли поранить себя и других в моменты помешательства или... в ещё какие-нибудь моменты.

— Так вы реально медик?

— А почему ты к ней на вы, а ко мне — на ты? — перебил альбиноса Хранитель, потирая укус. — И мы про твой вампиризм не договорили. Последствия мне ждать?

— Неа, не думаю. Я не успел ничего сделать. А на ты... — разноглазый почесал лоб. — Да само как-то. А к леди на вы принято.

Леди заулыбалась и покраснела от удовольствия. Саартан фыркнул.

— Как-то ты сразу поверил, что оказался в другом мире, — сказал он, опуская рукав рубашки. — Почему?

— Я был в рейде, когда меня забрали. Какие-то монахи в балахонах, сильные, заразы. Вырубили, как нефиг делать. Я уж думал, инквизиция. Но потом глотнул твоей крови. А до этого ещё одного покусал. Вы — нелюдь, а в инквизиторах нелюдей нет. Ну и, — новый пациент целительницы обвёл взглядом палату. — Запахи здесь другие, атмосфера другая, энергетика. Но я надеялся, что это всего лишь левое измерение.

— А как тебя зовут?

— За что тебя взяли?

Дейдрре и Саартан снова сказали вместе. Хранитель поморщился. Он понимал, что хозяйка здесь одна, и что право задавать вопросы и принимать решения есть только у неё, но этот альбинос — самое интересное событие за долгие три с половиной недели. Конечно, каждое знакомство с постояльцами целительницы — само по себе необычное событие. Кого ведь там только нет в этих лигах и гильдиях! Но именно этот белый разноглазый вампир фонил чем-то знакомым, близким. Может, потому что он — пока единственный вампир в доме. Может, потому что так же, как и Хранитель, не рад здесь оказаться. Или потому, что судьба свела его с кураторами Фаархи. А может, просто потому, что Дейдрре кроме как задрать рубашку или не снимать повязку до утра ни о чём Хранителя раньше не просила.

— Нет уж, — вампир сильнее вжался в угол койки, заметив, что целительница шевельнулась и как бы невзначай подседа чуть ближе. — Вы ко мне вломились — вы и предоставляйте информацию.

— Я уже говорила, — тоном учительницы младших классов заговорила Дейдрре. — Я — целительница. Ты в моём доме, в гостинице...

— В подвале, — невинно добавил Саартан.

— В подвале, — невозмутимо продолжила Дейдрре. — И прежде, чем подобрать тебе комнату, мне нужно тебя осмотреть. Ты солнца не боишься, кстати? Чеснока? Серебра? Через текущую воду перешагнуть можешь? А в дом без приглашения зайти?

— Я ничего не боюсь и могу войти куда угодно, — не чинясь, ответил альбинос.

— Ага, — целительница задумчиво посмотрела на потолок, будто составляя в голове анамнез. — А кровь какого цвета?

— Откуда вы про кровь знаете? — вампир как-то весь ошетинился и напрягся.

— Я не знаю, вот и спрашиваю.

— Обычная, — буркнул альбинос.

— Я ведь всё равно возьму на анализы.

— Попробуйте, — разноглазый вдруг развеселился. — Не жалко! Не вы первая будете пытаться её изучить.

— Зря ты это сказал, — вмешался в диалог Саартан. — Ты только что бросил ей вызов. Заанализирует теперь насмерть.

— А ты кто? Её муж?

Саартан поперхнулся, вспомнив обоих мужей — бывшего и настоящего — целительницы. Хранитель там близко не стоял, даже при всём желании.

— Я такой же пациент, как и ты, — сказал он, подпустив в голос немного грусти. — Вынужденный.

— Я что, тебя держу?! — тут же взвинтилась Дейдрре. — Приютишь голодранцев, холишь их, лелеешь! Заботишься! А они? Неблагодарные!

— Да я...

— Вот и сидите здесь, пока хорошим манерам не научитесь! — Дейдрре встала с койки и решительно направилась к выходу.

Вампир не пытался, а Саартан не успел ничего сделать, и тяжёлая дверь захлопнулась за спиной разгневанной женщины. Целительница показала им обоим через окошечко в двери язык, когда пискнул замок. И ушла.

— Это безответственно! — крикнул ей вслед вскочивший с тумбы Хранитель. — Закрывать меня неизвестно где с неизвестно кем!

— Я вампир, — альбинос вытянул ноги и потянулся всем телом. — То есть кров. Это известно.

— От этого не легче.

Камера с блокиратором силы. Вампир. Возможно, не дружащий с головой, судя по утверждениям Дейдрре. И Хранитель. Ничего не напоминает? Кровь Саартана этот упырь уже попробовал, к слову.

— Меня зовут Славиш, — представился разноглазый. — Вега. Если это важно.

— Я — Саартан, — Хранитель постоял, сверля взглядом дверь, вздохнул и снова сел на тумбочку. — Дракон, но это не фамилия.

— Дракон?! Что, прям настоящий? С крыльями, чешуёй, огнедышащий? В реале?

— В реале, — передразнил Славиша Саартан. Нет, день явно не задался. — Здесь, в смысле в Суушире, каждый второй дракон.

— Круто! А лечишься от чего? Напоролся на драконоборцев?

— В точку, — Саартан невесело усмехнулся.

Вот ведь какая несправедливость: Кофа считал, что вампиры — изменённые люди, а драконы — неугодные Творцу существа. Драконы же те ещё созидатели, если разумные, целые

цивилизации поднимают, искусством интересуются, культуру строят... Даже интуит создан на базе их языка!

— Ты знаешь, зачем я здесь? — спросил Славиш.

Он уже не казался напряжённым или озадаченным, сидел на койке спокойно и даже немного вальяжно.

— Без понятия. Но скорее всего, либо за преступления глобального масштаба, либо за особые таланты.

— А за то и за то — это вообще труба, да?

Саартан покосился на него. Только талантливых преступников ему не хватало! Хотя, кто сказал, что заниматься этим альбиносом должен Хранитель?

— Те монахи в балахонах, — Саартан подумал, что пока дел других у него нет, и можно позволить себе уделить внимание этому разноглазому. — Их было двое, да?

— Знаешь их?

— Это кураторы. Что-то вроде межмировой полиции и отдела кадров в одном лице. Точнее, обычно в двух лицах. Они работают парами... Тебя вырубили и притащили сюда? Вот так без объяснений?

— Ну да.

— Странно... И без предупреждений?

— Я их даже толком разглядеть не успел! Какие тут предупреждения?! Я! Не успел! В своём родном мире. Нонсенс!

Бахвалиться? Вряд ли, учитывая то, что кураторы даже права зачитать ему не сочли безопасным. Или как там у них называется разъяснение задержанным положения дела?

— Этот мир — тюрьма? — спросил Славиш.

— Да нет. Скорее полигон для новобранцев. Думаю, тебе хотят предложить здесь работу. Сообразную твоим навыкам.

— Тогда это сожрать кого-нибудь. Потому что я — охотник за головами. Профессиональный.

Славиш замолчал, очевидно, ожидая реакции. Саартан же задумался, кому и для чего здесь может понадобиться профессиональный охотник за головами? Да ещё способный сожрать своих жертв. Лэуорд и сам кому хочешь голову оторвёт, Фаарха слишком миролюбивый, чтобы нанимать убийцу. Интересно...

— Я вот чего никак не пойму, — снова заговорил Славиш. — Если меня грубо выдернули с Земли, чтобы предложить мне работу... ну, грубо выдернули и сразу сюда закинули — это понятно, почему. Чтобы я отказаться не смог. А вот нафига ко мне вас двоих присылать? Тётку какую-то невразумительную и её же пациента. Это же... да бред это!

— У целительницы дом — нейтральная территория в Норвантере, — Саартан оторвался от собственных размышлений о странности ситуации. — Да и во всём Суушире, пожалуй. Не знаю, почему. Так уж сложилось. И тут всё бред, привыкай. К ней, к Дейдрре в смысле, ещё и боги в гости заходят. Её дом находится как бы между Светлой Гильдией и Тёмной Лигой, и как бы вне всей политики в мире. Поэтому большинство новичков попадает именно сюда. Я о тех новичках, в которых заинтересована одна из противоборствующих сторон. Или даже боги. Или ещё кто покруче.

— Это кто может быть покруче богов-то?

— Глава Высшего совета кураторов может, — Хранитель улыбнулся. — Боги-то местные и локальные, а этот — вездесущий.

Дейдрре выпустила их только к обеду, заручившись уверением Хранителя в том, что новый постоялец хоть и опасен, но адекватен и, к сожалению целительницы, абсолютно здоров. Времени пообщаться у дракона и вампира было предостаточно. К тому же Славиш говорил

много и охотно, в основном о своих разносторонних талантах. Выглядело это как хвастовство, но на деле было скорее заполнением анкеты потенциального работодателя. Да, мол, образование такое-то, курсы прошёл там-то и такие-то, умею то, сё, пятое, десятое. Уверен, что пригожусь. Любопытно, что домой Славиш нисколько не рвался. Говорил, что жизнь у него хоть и не бесконечная, но долгая достаточно для того, чтобы при желании отыскать путь на Землю.

— Кто его всё-таки сюда отправил? — спросил Саартан у целительницы, когда они проводили нового постояльца в комнату в левой половины первого этажа гостиницы.

— Лига, — Дейдрре пожала плечами. — А в ней пополнением рядов тёмных занимается Мирэной.

— А за Мирэной стоит Лорд, — подытожил Хранитель. — Вы бесстрашная, знаете об этом?

Целительница изумлённо воззрилась на него и даже коснулась лба тыльной стороной ладони, чтобы проверить — нет ли температуры?

— Это не комплимент, — Саартан раздражённо отмахнулся. — Этот Вега — кровосос, наёмный убийца со всеми вытекающими чертами характера. А вы полезли к нему в камеру, как к безобидному котёнку.

— В палату, — Дейдрре подбоченилась. — Не в камеру, а в палату. И там блокиратор. А ещё ты даже не представляешь, насколько быстро Альбер может оказаться рядом. Или его Тени. Я ведь знаю, что он давно приставил ко мне безликую охрану. Не могут мужчины без этого!

Альбер, муж целительницы, — это страшно, да. Просто вспоминать его как-то боязно, а тут выяснилось, что он в любую секунду может оказаться у тебя за спиной...

— Зная вас, я бы на его месте обзавёлся в собственности необитаемым островом.

— Да у него в собственности — Девятая Луна! Целиком! А толку? — Дейдрре усмехнулась. — А на острове я бы с тоски умерла, препарируя дохлых рыбёшек и жуя кокосы. Да и жарковато там для Альбера, солнца много.

— Остров в вашем воображении отличается от моего, — Саартан тоже усмехнулся. — И в моём варианте я бы спасал не вас, а от вас.

Взгляд Дейдрре стал нехорошим. Недобрым и опасно задумчивым.

— Энурез нашлю, — буркнула она, крутанулась на пятках и зашагала ко входу в тоннель. Может, подумал Хранитель, догнал хозяйку дома и пошёл с ней рядом.

— Это от того, что я прекрасно себя чувствую, а вы не верите, — негромко сказал Саартан. — Язвительность от безвыходности.

— Да знаю я, что ты здоров, — неожиданно дружелюбно отозвалась целительница. — Но ты и человек, и дракон, а твоя кровь говорит, что ты — ни то и ни другое. Я с таким впервые сталкиваюсь. Экспериментировала, разбиралась.

— Я догадывался, что у вас ко мне повышенный интерес, но экспериментировать за спиной — это же аморально!

— Для твоей же пользы экспериментировала. Вдруг ранят тебя, а я ничем помочь не смогу, потому что не знаю реакции твоего организма на те препараты, которые у меня имеются.

— Ах, вот оно что... Так могли бы просто предупредить!

— Да? И ты бы добровольно подопытным стал?

— А... хм.

— Вот то-то же.

В дом вошли молча. Саартан замялся на пороге, не зная, куда ему идти. Вроде бы Дейдрре признала, что он не болен, значит, в палату возвращаться не обязательно. А больше было некуда.

— Если тебе заняться нечем, — обернулась на него целительница, — могу задание дать. Неоплачиваемое, специально для бездельников. Но с занесением плюсика в личное дело. Ну?

— Можно его сперва озвучить, уважаемая целительница? — осторожно спросил Хранитель. — Задание?

— Какие мы подозрительные, — Дейдрре хмыкнула. — Нужно отнести в Лигу партию зелий. Забрать за них оплату. И заодно выяснить, кого они нам в этот раз подкинули, чем его кормить, раз он вампир и всё такое. Возьмёшься?

— Звучит интригующе, — Саартан подпёр плечом косяк дверного проёма и скрестил руки на груди. — Захватывающее приключение мальчика на побегушках!

— Ну как хочешь!

— Это было да.

Глава

II

Плут

Михей старался не шуметь, но Файлэнг всё равно проснулся. Открыл один глаз, сверкнул им на замеревшего мальчишку, недовольно заворчал и откинул одеяло. Сел на кровати, втянул ноздрями воздух.

— Пфф! Ты опять от змея! — Файлэнг сморщился и чихнул.

— Тише ты! — зашипел на него Михей. — Это же тайная встреча!

— Кот всё равно не спит.

— Спит. Я поэтому и слинял. Сон у герти глубокий, как кома, — Михей покряхтел, стаскивая с себя майку, охнул, неудачно вывернув руку.

Файлэнг глянул на него крайне неодобрительно.

— Твой учитель — Ньярхайд, а не Фаарха, — сказал он, разглядывая сизые и багровые синяки на спине и боку мальчишки. — Кота очень задевает то, что ты бегаешь к главе совета.

— Кот мой учитель, это так, — Михей справился с майкой и размышлял, стоит ли снимать штаны. Под ними дело обстояло ещё хуже, а сменить одежду усилием воли уже не представлялось возможным. — Но когда на тебе нет воспитательной ответственности, ты можешь дать больше. У нас с Шу совсем другие... хм-м... уроки.

— Змей снова тебя муштрует для незаконных дел, я уверен. Что вы задумали украсть на этот раз? Дерево?

— В прошлый раз мы не крали, а реквизировали, — Михей хитро улыбнулся. — Никто не справился бы лучше меня, а формально я ещё не куратор, так что на Высший совет тень бы не легла. Ну, разве что, самая прозрачная... Постой! Что ты сказал?

— Э-э-э... — Файлэнг досадливо проводил внутренним взглядом остатки сна в сознании. — Глухой что ли? Я сказал, что ваши дела не законны.

— Нет, потом! — Михей слишком шустро для усеянного синяками ученика забрался к нему на кровать. — Украсть Дерево?

— Это я к слову... Эй! — Файлэнг нахмурился и быстро отполз от него подальше. — Ты о чём задумался, плут?!

— О том, что украсть Дерево — звучит как вызов, — промурлыкал Михей с мечтательным выражением лица. — А ещё о том, что плут — хороший позывной. Как Кэп, например.

Михей не мог уснуть весь остаток ночи. Файлэнг долго ворчал и ругался, требовал выкинуть идею кражи Древа из головы, но потом успокоился, признав бесполезность каких-либо доказательств и требований. Он забрался с головой под одеяло и вскоре сонно засопел. А Михей думал. Нет, не о том, что украсть Дерево даже теоретически невозможно. Это же целая система миров! Всё равно, что попытаться спрятать в карман Вселенную, причём не одну. Нет, Михея это волновало в самую последнюю очередь. Раз есть объект, значит — есть куда приложить силу. Всего лишь техническая сторона вопроса. А вот как проверить всё это под носом у главы совета так, чтобы при этом не подставить ни его, но Кота — самая трудная часть ещё не созревшего, но уже появившегося в зародыше плана.

Бывает же такое, что в голову забредёт совершенно безумная мысль, и ты, как ни старайся, никак не можешь от неё избавиться. Кажется, у нормальных людей это называется «навязчивая идея». Ну зачем, скажите на милость, кому-то может понадобиться красть Вселенную?! Конечно, есть такие суперзлодеи, которые пытаются захватить или уничтожить миры и звёздные системы, но в их действиях, как ни крути, присутствует смысл. Жажда абсолютной власти, месть или что-то похожее. А Михею зачем? Отличиться? Проверить собственные силы? Второе походило на правду. Да и первое, кстати, тоже. Удача Михея напрямую зависела

от его веры в то, что он — лучший во всём, к чему прикладывает усилия. Как только лис начинал сомневаться в себе, на его голову тут же сыпались неприятности. От самых мелких, незначительных, но раздражающих, до крупных и почти глобальных. А как тут поделишься своим везением с другими, с Саа, например, если у самого не всё ладно?

В последнее время Михею ни то, чтобы не везло, но и не фартило. Личное обаяние давало сбои, договариваться получалось не всегда, нравиться всем и втираться в доверие — так вообще через раз. Михей связывал это с близостью нага. У того с Судьбой и Фортуной были отношения если не родственные, то уж точно дружественные. А Шульга с исчезновением Хранителя переключил всё своё внимание на Михея. Удачливость нага и лиса настолько разнилась, что дело дошло до конфликта интересов. Это как одна звезда, более яркая и более крупная, затмевает своим светом другую: свет-то вроде один и тот же, да и от двух звёзд должно становиться светлее, а нет. Не становилось. К тому же, Михей чувствовал, что привязывается к главе совета, а это вообще хуже некуда. Привязанность — это слабость. Если быть честным, то Михей и Хранителя-то отослал от себя подальше больше потому, что испугался проникающей всё глубже в сердце связи. Непонятной, ненормальной связи. Уже даже зависимости.

Поэтому нужно было как-то вернуть себе былую высокую самооценку. И сделать то, на что не способен даже Фаарха. Да вообще никто не способен! Мир внутри лиса огромен, Менкар в своё время не знал границ. Пихай в него всё, что только душе угодно! Но не другие миры же...

Опять же, как впихнуть невпихуемое — это техническая сторона вопроса. Как не обидеть Кота — вопрос куда сложнее. Шу-то поймёт со временем. И простит. Наверное. Он и похвалить может — до сего момента выходки лиса его забавляли. А вот герти — злопамятный и заостеневший в своём представлении о том, что хорошо, а что плохо. Вряд ли он одобрит план украсть Древо, пусть даже самое маленькое и зачахшее. Или даже росток. Или... О! Семя!

Михей соскочил с кровати, pokrивился, когда перетруженные мышцы протестующее заныли, быстро оделся.

— Ты куда? — сонно спросил Файлэнг из-под одеяла.

— Побегать, освежить голову. Я, кажется, понял, как заполучить Древо, Фай.

— Как?

— Вот смотри, — Михей возбуждённо заходил по комнате. — Мир созревает и отваливается от Древа, так? Падает в Шельяар и со временем разрушается. Из него прорастает новое Древо. Если ускорить процесс разрушения, собрать высвобожденную распадом энергию, то её хватит на то, чтобы извлечь семя Древа из мира до того, как оно прорастёт! Когда запускается процесс разрушения, в мире обычно уже нет никого, кто мог бы пострадать от внешнего воздействия. Так что я просто приду и возьму то, что мне надо! Круто, да?.. Фай?

Волк спал. Михей разочарованно выдохнул. Как можно заснуть, когда тебя посвящают в такой великий план?! Михей обиженно тряхнул рыжими волосами и тихо выскользнул за дверь.

Файлэнг проснулся в отличном настроении. Он умылся, причесался, оделся в свой самый строгий чёрный костюм. Покрутился перед зеркалом, удовлетворённо кивнул своему отражению и вышел из комнаты. Сегодня важный день. Иватарн ждал Файлэнга на причале, чтобы отвести в Цитадель кураторов на экзамен. Сам экзамен — чистая формальность, он нужен только для официального вручения кураторского браслета. Одобрение и высокая оценка от учителя у Файлэнга уже есть, независимым экспертом выступил Ньярхайд, который тоже высоко оценил способности ученика. И всё же что-то тревожило волка, что-то противно скребло под рёбрами. Волноваться вроде бы повода не было. Что не так?..

Файлэнг понял причину своей тревоги на причале. Понял и ужаснулся. Остановился в нескольких ярдах от ожидающих его кураторов, размышляя, как поступить. Он вспомнил предрассветный разговор с Михеем о том, что тот собирался украсть Древо. И, судя по тому, что безумного лиса на причале не было, какое-нибудь гипотетическое Древо сейчас было в опасности. Вполне реальной. Ведь Михей — больной на всю голову, и уж если какая бредовая идея поселится в его мозгах, то он обязательно возьмётся воплощать её в жизнь.

Кураторы переглянулись.

— Фай, ты что-то забыл? — спросил Иватарн.

— Я...

Что им сказать? Файлэнг Михея другом не считал, но они уже два года выходили на совместные миссии плечом к плечу. Выдать его сейчас было бы предательством.

— А где Михей? — вместо ответа спросил Файлэнг.

— Должен быть с тобой, — Иватарн озадаченно огляделся. — Вы же с ним в одной комнате живёте. Он не приходил ночевать?

— Фаарха улетел на рассвете, — Кот раздражённо дёрнул щекой. — Прохвост, наверное, побежал его провожать. Мог даже улететь с ним.

— Кот, он тебя любит, — Иватарн ободряюще улыбнулся напарнику. — И щадит твоё самолюбие, как умеет. Предупредил бы.

— О чём? — запыхавшийся Михей свалился, как показалось, с неба.

Файлэнг окинул взглядом причальную мачту. По ней что ли лазил?..

— О том, что если бы ты захотел улететь с Фаархой, сказал бы мне, — холодно отозвался Кот и поджал губы, точно обидевшись на то, чего ещё не случилось, но что могло бы быть.

— Я бы не улетел от тебя, учитель! — Михей расплылся в улыбке, подошёл к нему и мягко коснулся его плеча. Кот машинально отдёргнул руку, отчего Мих заулыбался ещё шире. — Шу другой, он с тобой не сравнится.

— Шу! Тьфу! — Кот фыркнул и отвернулся. — Фамильярность.

Файлэнг уже научился понимать, что «злой вампир» и «злой на лиса вампир» — это два разных Кота. Второй злился как бы понарошку, для видимости. Как сейчас.

— Что ж, — Иватарн хлопнул в ладоши. — Раз уж все нашлись и со всем разобрались, может уже вылетим? Иначе опоздаем на экзамен.

Файлэнг кивнул и подошёл к своему учителю ближе, чтобы они вдвоём смогли переместиться на Гальциону.

«Спасибо, что не сдал», — пришёл от Михея мысленный импульс.

«Сочтёмся», — отозвался Файлэнг.

— Как всё прошло? — Кот открыл дверь раньше, чем напарник постучал в его кабинет.

— Фай — куратор, — Иватарн шагнул через порог и обнял его. — Представляешь?

— Очень даже. Давай без нежностей, — Кот раздражённо вывернулся из его рук. — Будешь... э-э-э... у меня только виски.

— Наливай.

На столе стояло два бокала: один на половину полный, как и бутылка рядом, другой — пустой. Кот ждал Иватарна весь вечер и, наверное, переживал. Он налил виски в пустой бокал до краёв и протянул напарника.

— За твоего второго ученика, — Кот себе доливать не стал.

— Первого, — Иватарн принял бокал из его рук, чуть подня и улыбнулся. — Ты не был моим учеником.

— Это как посмотреть.

— Не спорь, — Иватарн звякнул своим бокалом о бокал Кота.

Кот хмыкнул и уселся в кресло. Напарник по своему обыкновению примостился рядом на подлокотнике и приобнял его за шею.

— Заметил? — спросил Иватарн, шевельнув пальцами на плече Кота. — Михей пытается тебя приручить.

— Ты о чём?

— Он касается тебя всякий раз, когда льстит или говорит что-то приятное. И ты уже отдёргиваешь руку с запозданием.

— Разве?

— Да-а... — Иватарн понюхал виски, поморщился. Подумал немного и сделал маленький глоток. — А ещё ты рядом с ним чаще улыбаешься.

— Чаще, чем с тобой?

— Намного, — Иватарн отставил недопитый бокал на стол. — Он хорошо на тебя влияет. Браслет на его руке недовольно пискнул. Куратор глянул на него и вдруг вскочил.

— Что случилось? — Кот поднялся следом.

— Михей! — Иватарн яростно зарычал. — Он снова угоняет Гальциону!

С Михеем они столкнулись в парадной. Иватарн налетел на него, сгрёб за грудки и приподнял над полом.

— Ты! — прорычал куратор и тут же растерянно опустил мальчишку обратно на пол. — Не понял...

— Чего не так? — Михей испуганно заморгал.

— Если он тут, — Кот изогнул бровь, — то кто угоняет корабль?

— Кто угоняет Гальциону?! — эхом повторил Иватарн и снова сжал кулаки на рубашке Михея.

— А я почём знаю?! — Михей зажмурился. — Пусти!

— Говори, паршивец!

— Да не знаю я!

— Давай, я попробую, — Кот мягко высвободил ученика из рук напарника, наклонился к нему, заглянул в лицо. — Открой-ка глазки, лисёнок.

Михей приоткрыл один глаз:

— Ну, Ко-о-от!

— Кто угоняет папин корабль?

— Ну-у-у...

— Ты обещал быть со мной откровенным.

— Так не честно!

— Да он время тянет! — Иватарн схватился за голову. — Я в ангар готовить катер.

— У вас ещё корабли есть?! — Михей открыл второй глаз и проводил взглядом убегающего куратора.

— Сюрприз, — насмешливо сказал Кот, крепко взял его за шиворот и потащил следом за напарником. — Рассказывай. Ты снова взломал навигатор?

— Нет...

— А что тогда? Мих, я всё равно узнаю.

— Ладно! Отпусти, я сам пойду, — Михей поправил рубашку, когда куратор разжал пальцы, надулся и сказал: — Гальциону угнал я. То есть, не совсем я. Но я. И я верну!

— Да я не сомневаюсь, — Кот усмехнулся. — Научись уже спрашивать разрешения у Ива, он же страшно переживает. Что на этот раз?

— Не могу сказать.

— Мих...

— Кот, не проси! Я расскажу, но не сейчас! Это важно!

— У тебя всё важно.

Михей и Кот подошли к ангару как раз в тот момент, когда из него выплыл серебристый остроносый катер. Иватарн не стал церемониться, и переместил их на борт прямо на ходу. В тесной кабине Михей оказался зажат между кураторами так, что дышать тяжело стало.

— У меня для вас есть срочная информация, — он заёрзал, пытаясь устроиться поудобнее.

— Ну? — рыкнул на него Иватарн.

— Я придумал себе позывной.

Иватарн наклонился вперёд и принялся шёпотом считать с десяти до одного. Кот тихо рассмеялся.

— Я бы пожалел тебя, Ив, но как-то... позлорадствовать хочется, — весело сказал он и склонил голову к ученику. — И какой позывной?

— Плут.

— Идеально!

— Ты лучше скажи, куда нам лететь! — прошипел закончивший отсчёт иватарн. — Гальциона исчезла с радаров. Исчезла! Со всех! Радаров! А я пять разных маячков на неё установил. Пять! Разных! О которых ты знать не должен!

— Наверное, я запустил программу поиска нового оборудования, — пожал плечами Михей, опасливо косясь на разъярённого куратора. — Корлион чувствителен ко всему инородному же. Но точнее сказать не могу. И куда я лечу, тоже не знаю.

— Как это так?!

— Я угнал Гальциону до того, как решил, куда направляюсь.

— Что это значит?!

Иватарна начало потряхивать, и Кот протянул за головой Михея руку, чтобы положить ладонь напарнику на затылок. Катер был маленьким и не рассчитанным на троих пассажиров в кабине, двигаться лишний раз было чревато ушибами и затёкшими впоследствии конечностями. Прохлада рук герти подействовала успокаивающе, и Иватарн шумно выдохнул.

— Так что это значит?

— Гальциону укр... — Михей запнулся и поправился: — Одолжил мой клон.

Иватарн застонал, а Кот закатил глаза. Серебристый катер покинул пределы мира и растерянно повис в Пустоте.

Глава

III

Полигон

Приёмная в Лиге была. Имелся в ней даже секретарь, как полагается. Но пользовались ею только для того, чтобы предложить посетителям подождать в ней, пока их не пригласят куда-нибудь ещё. Например, в личные покои Мирэноя. Секретарь — низкорослое серокожее существо, отдалённо напоминающее человека — указал Саартану на стул, закатил глаза, застыл на пару секунд за стойкой, затем отмер и, не успев Хранитель присесть, объявил:

— Господин Вхэнлеттервэйт скоро будет у себя и просит вас подняться к нему сию минуту. Это вверх по лестнице на предпоследний этаж и прямо по коридору в северную.

— А лифта у вас нет? — полушутя-полусерьёзно спросил Саартан.

— Есть, — серокожий выпучил на Хранителя круглые влажные глаза и растянул губы в подобии улыбки, отчего стал похож на лягушку. — Но у него трафик высокий.

— И?

— И вверх по лестнице на предпоследний этаж прямо по коридору в северную.

Хранитель возвёл очи горе и, в который раз вспоминая, что день явно не задался, поплёлся на самый верх высоченной башни. Пешком. С покоем Мирэноя он не промахнулся. На предпоследнем этаже других попросту не было. Короткий коридор упирался в двустворчатые белоснежные двери из материала, напоминающего кость (а может, и из кости), украшенные барельефом с изображением двулапых драконов с шерстью вместо чешуи. Саартан подивился нелепым созданиям, поудобнее перехватил коробку со звякнувшими в ней пузырьками зелий и постучал. Ему никто не ответил, зато дверь сама собой приоткрылась. Помедлив, Хранитель толкнул створку и вошёл.

— Господин Вхэнтер... Вхэнтлер... Господин Мирэной?

Саартана раздражало, что все в Суушире обращаются друг к другу на вы и зовут господами. В сочетании с непроизносимой фамилией это звучало вычурно. Спасало лишь то, что можно было легко сочетать «господин» с именем и даже с прозвищем.

— Есть кто? — Саартан огляделся.

Апартаменты Мирэноя выглядели богато для простого лиговского офицера. Правда, Хранитель понятия не имел, какая в Лиге воинская система и есть ли она вообще. Вполне могло быть, что звания и титулы присуждались бессистемно. Учитывая, что Лигой правит Тёмный Владыка... Но брат Лэуорда без сомнений привык к роскоши: об этом говорило всё, начиная от мебели и кончая шпалерами с гербами на стенах.

Так и не дождавшись ответа, Саартан поставил коробку с зельями на ближайший столик, прошёлся по комнате и остановился перед гобеленом с замысловатым вензелем и всё теми же белыми мохнатыми недодраконами по бокам. Заложил руки за спину, разглядывая герб.

— Это нелекреанская виверна. Символ королевского дома Вхэнлеттервэйт.

Саартан вздрогнул и обомлел. Замёрз разом, парализованный с головы до ног, словно его превратили в лёд колдовством. Сердце Хранителя подпрыгнуло в груди, гулко упало куда-то в пятки и беспомощно затрепыхалось там, замирая. Этот голос он помнил. Низковатый, бархатный, чуть печальный и самую малость надменный.

— *Раз, два, три, четыре, пять. Вышел зайчик погулять... Глупый кролик...*

Как она вошла так тихо? И подошла совсем близко...

— Вы к Мирэною?

— Да... — выдавил из себя Саартан.

«Да» получилось хриплым и неуверенным. Хранитель не оборачивался, застыл с заложенными за спину руками, прямой, как палка. По его напряжённой спине поползли мурашки, когда эльфийка обошла его и заглянула ему в лицо.

— Что с вами? — спросила Септемберель. — Вам плохо?

— Да... нет...

— Воды?

Хранитель совладал с собой, кивнул, отворачиваясь и пряча глаза. Янтарный цвет глаз Дафтраана уже полностью сменился на красный, менкарский ободок занял своё законное место вокруг радужки. Но Саартан отвернулся не потому, что боялся, как бы эльфийка его не узнала. Он просто не знал, что делать. Всё это время Хранитель думал о Септемберель, неоднократно прокручивал в голове разные сценарии их встречи, но... всё вышло как-то неожиданно. Идя в Лигу, он совсем забыл, что вампиршей... нет, вампирессой. Что вампирессой занимается брат Лэуорда.

Септемберель отошла, и Саартан облегчённо вздохнул. Медленно повернулся, взглянул исподтишка на склонившуюся над столиком эльфийку. Строгое элегантное платье в неброских тонах, изящные украшения под серебро (вряд ли это было оно) с прозрачными камнями, аккуратно убранные в сложную косу длинные волосы. Движения плавные, аристократичные и... живые. Вампиресса казалась живой! То есть, она и была живой, но... Румянца на щеках раньше точно не было!

Саартан метнул взгляд в пол, когда Септемберель снова подошла к нему и протянула высокий стакан с водой.

— Здесь слишком душно, — сочувственно произнесла она.

В комнату, на ходу одёргивая рукава сорочки, быстрым шагом вошёл Мирэной. В отличие от вампирессы, которой полагалось быть бледной и нервной, но какой она не была, брат Лэуорда выглядел больным. Глубоко запавшие глаза, тени под скулами, нездоровый сероватый цвет кожи, усталый взгляд, дёрганные движения. Саартан прищурился, заметив лёгкий шарф на его шее. Она, пьёт его?! Очень на то похоже...

— Вы от госпожи целительницы? — спросил Мирэной.

Он подошёл к Септемберель, поцеловал её в щёку и что-то шепнул на ухо. Та улыбнулась, опустила ресницы, кивком попрощалась с Хранителем и вышла из комнаты. Хранитель так и не услышал её шагов.

— От... неё, да, — Саартан залпом осушил стакан с водой, громко прочистил горло. Что это могло показаться здесь, среди роскоши и королевских регалий, неприличным, он не озаботился. — Зелья. Она просила их отнести и забрать оплату. Ещё уточнить о Славише Вега. Чем, точнее кем здесь кормят вампиров?

Вопрос Хранитель произвольно задал язвительным тоном, каким обычно разговаривал с Дейдре. С прозвучавшим в нём вызовом. И в сочетании с брошенным на шарф Мирэной многозначительным взглядом. Мирэной заметно помрачнел, но на провокацию не отреагировал.

— Славиш не совсем вампир, — сказал он немного рассеянно. — Кровь ему нужна только для того, чтобы пользоваться силой и не стареть. В остальном Вега всеядный. В полном смысле этого слова. Хоть кирпичами его кормите. Но где можно поохотиться, я вам покажу. Вы же — дракон, господин Саартан?

— А это тут причём?

— Вам не нужно время от времени разминать крылья и держать рефлексy в тонусе?

— Эм... не думал об этом.

— Так вот подумайте. А раз уж вы знакомы с Вегой, я объединю вас в один отряд.

— Отряд? Из двух чел... из двоих бойцов? И вообще, боевой отряд?

— Нет, как в детском лагере. Будете ходить за ручку и присматривать друг за другом.

Хранитель замолчал и встретился взглядом с холодными глазами Мирэной, в которых не было ни намёка на шутку.

— А если я откажусь? — после паузы спросил Саартан, начиная злиться.

— Лига перестанет платить за вас Дейдрре. И вы лишитесь её протектората.

— Чьего? Лиги или целительницы?

Мирэной не ответил. Сказал вместо этого:

— Я направляю к вам... вожатого. Будь готовы отправиться на полигон сразу по его прибытию. У меня к вам всё, господин Саартан, можете быть свободны.

Хранитель яростно раздул ноздри и сжал кулаки. Да этот мальчишка издевается над ним! И не скрывает этого! Мирэной окинул его бесцветным взглядом, задержался им на сжатых кулаках и вопросительно поднял бровь:

— Хотите что-то добавить?

— Нет, — процедил Саартан, еле сдерживаясь, чтобы не врезать этому белобрысому офицеру по наглой аристократической физиономии. — Всего... доброго.

— И вам, — Мирэной вежливо и холодно улыбнулся. — Оплату за зелья занесёт Мицу.

В дом целительницы Саартан вернулся в отвратительном настроении. Бросил с порога вышедшей ему навстречу Дейдрре что-то вроде: «Отцепитесь от меня все, видеть вас не могу!», только в более грубой форме и сразу свернул в подземный переход. Споткнулся о порожек на входе, пнул его со всей дури. Больно ушиб палец на ноге, зашипел от злости, облокотился на стену и ткнулся в неё лбом. Да что за день такой?! Сперва целительница со своим упырём, потом проклятая Лига с её высоким трафиком лифта, высокомерный брат Лэуорда... Септемберель, которая пьёт его. Хрен с ним, с Мирэноем, его не жалко. Но когда добровольно отдаёшь свою кровь — это очень интимный процесс. Хранитель помнил, как замерзли его вены под клыками, и как вместе с этим смертоносным морозом растекалось по телу блаженство. Боль и удовольствие, замешанные на крови... замешанные на том, что один дарит часть себя, а второй принимает и благодарит, растворяя, пусть и ненадолго, в чувстве абсолютного счастья. Эйфория, сладкая смерть, которую желаешь всей душой, как говорил Михей.

— И он проникает в неё всё глубже с каждой отданной каплей крови, — пробормотал Саартан.

— Кто?

Дейдрре стояла за спиной, невинная, как ангел. Да что же они все подкрадываются-то?! Нужно перестать постоянно витать в собственных мыслях...

— Я же сказал, что никого видеть не хочу, — Саартан устало потёрся лбом о шершавую стену.

— Я слышала, — целительница подошла почти вплотную.

Одна в тёмном переходе с очень злым драконом. Бесстрашная женщина. Когда-нибудь Альбер может и не успеть прийти ей на помощь...

— И что не понятного? — хмуро спросил Саартан.

— Ты мне не отдал деньги за зелья.

Хранитель резко развернулся. Дейдрре отшатнулась, но тут же встала в свою боевую позу, подбоченившись и выставив подбородок, точно собираясь отстаивать в споре свои интересы.

— Что, серьёзно? — Саартан вскинул брови.

— Отдать зелья — забрать оплату. Всё просто. Но если честно, мне нужен был предлог, чтобы узнать, что тебя так расстроило.

Вид у Дейдрре снова стал невинным.

— Вот только в душу ко мне лезть не нужно! — Саартан поморщился.

Отвернулся от целительницы и зашагал по тоннелю в сторону гостиницы.

— Душевная рана — та же рана, — сказала ему в спину Дейдрре. — Её надо лечить.

— И всем постояльцам вы оказываете психологические услуги? — не останавливаясь, спросил Саартан.

— Да. Раненные в душу умирают чаще самых тяжелобольных. Потому что перестают бороться. Никакими зельями их не отпоить, случись что в бою. Адохлые пациенты портят репутацию.

Саартан всё-таки остановился. Обернулся на Дейдрре. В последнее время он перестал понимать разницу между шуткой, издёвкой и правдой. Вот сейчас что было?.. Целительница воспользовалась замешательством и догнала его.

— Так что случилось-то? — спросила она и всё с тем же невинным выражением лица добавила: — И где деньги?

Узнав, что деньги принесёт некий Мицу, Дейдрре ужасно обрадовалась.

— Он такой хороший мальчик! — сказала она Саартану и Славишу, сидящим за одним столом друг напротив друга, разливая им чай. — Жалко, что некромант. Лига совсем его испортила!

Целительница наклонилась к Хранителю и доверительно шепнула ему на ухо:

— А Мирэной я сама недолюблюваю. Не обращай на него внимания. Положение обязывает его нос задирать.

— Но ведь у Лорда выше статус, — Саартан подозрительно понюхал чай в своей кружке, поймал укоризненный взгляд Дейдрре и притворился, что наслаждается ароматом. — А он тактичный, дипломатичный. Как сказал один мой знакомый, с ним приятно иметь дело. Они точно братья?

— Они... — целительница замялась. — Славиш, тебе сколько сахара?

— Пять, — Славиш осветился улыбкой.

— Пя-ать? Ложечек?

— Ага. Кружка большая же.

Хранитель пронюхал, как хозяйка дома скрупулёзно стряхивает сахар с ложечки, чтобы не было горки, усмехнулся. Нет, целительница не была жадной. Она была практичной. И умудрялась одарить своей заботой и соответствующим уходом всех своих постояльцев и пациентов.

— Что не так с братьями, госпожа целительница? — переспросил Саартан. — Мирэной — внебрачный сын Лорда, и тот выдаёт его за брата?

— Что значит, внебрачный?! — возмутилась Дейдрре. — Намекаешь, что Лорд ходил налево, будучи женатым на мне?

— Сколько ему лет? Веков? Без обид, но вы же понимаете, что женщин до вас у него могло быть до черта и ещё вагончик.

Целительница хмыкнула и уселась за стол с краю. Высыпала в блюдечко извлечённые откуда-то из подола фартука печеньки и конфетки, подвинула это блюдечко в центр стола. Славиш, не дожидаясь разрешения, сгрёб себе сразу целую горсть сладостей и принялся громко ими хрустеть, поглядывая на своих собеседников.

— Мне приятно думать, что я у него — единственная, — сказала Дейдрре, меланхолично макая печенку в чай. — Не разрушай мои иллюзии своим прагматизмом. Мне в них хорошо. А Мирэной... там всё сложно. Однажды...

Целительница собралась рассказывать историю, и Саартан со Славишем, не сговариваясь, подняли свои чашки с чаем и откинулись на спинки стульев, устраиваясь поудобнее. Дейдрре глянула на них, вздохнула:

— Мальчишки никогда не вырастают... Ладно. Так вот. Лорд, точнее — Лэуорд, очень старый джинн. Он давно живёт в Суушире и в своё время много странствовал по миру. Учился тому, сему. Джинны же, они любят учиться. Их миссия — собрать все возможные знания о мире, овладеть всеми ремёслами, выучить все языки и повадки разумных существ. И стать лучшими во всём, Мастерами над Мастерами...

— Это же офигеть как долго! — воскликнул Славиш.

Саартан через стол кинул в него конфетой и шикнул. Славиш ловко поймал конфету и послал Хранителю ослепительную улыбку.

— Они терпеливые, — ответила Дейдре. — В отличие от некоторых.

— Продолжайте, госпожа целительница, — вежливо попросил Саартан.

— Хм... На чём я остановилась? Ах, Мастерами над Мастерами. Да. Так вот. В мирах джинны рождаются почти нормальными людьми, с нормальным набором эмоций. Обычно они учатся эти эмоции контролировать, но Лэуорд поступил кардинальнее: он от них избавился. Вынул из себя всё то, что мешало ему познавать мир абстрагировано, и воплотил в Мирэное. Мирэной — часть Лорда, но сам по себе он — человек, воздушный маг, генерал Лиги и наследный принц Нелекреана.

— Охренеть! — не удержался Славиш.

— Да уж, — поддержал аго Саартан. — Не удивительно, что он такой... какой есть. А госпожа Септемберель?

— А что госпожа Септемберель? — откликнулась довольная произведённым впечатлением целительница.

— Кто она?

— Она его жена. Высокородная эльфийка, очень эффектная женщина.

Саартан уронил печенку в чай. Жена? Сердце Хранителя больно сжалось. Жена... А что ты хотел? Ей две тысячи лет, она действительная эффектная, высокородная и безумно красивая. Думал, Септемберель будет ждать какого-то задрипанного недофизика-недодракона, которого она и видеть-то видела пару раз в жизни. В камере. В состоянии безумия. Когда есть генералы и наследные принцы вокруг.

— Что с тобой? — Дейдре по привычке потянулась пощупать его лоб.

— У него, кажется, сердечный приступ, — сказал Славиш. Указал на своё ухо и объяснил: — Я слышу, точнее, теперь не слышу его пульс.

— Сердце остановилось?! — целительница вскочила со стула и кинулась к Хранителю.

— Это... — Саартан, морщась, попытался отстраниться от рук Дейдре. — Особенности организма. Я сегодня перенервничал.

— Дай посмотрю! — Дейдре цепко схватила его за запястье. — Тебе лечь надо!

— Пусть тут остаётся, — Славиш кивнул в сторону своей спальни. — Я всё равно ночью не сплю.

— Ну-ка подсоби! — целительница поднырнула Хранителю под руку.

— Да всё нормально! — Саартан зыркнул на тотчас возникшего рядом с ним Вега — Я сам могу идти!

— Не спорь!

Саартан шумно, с прирыком, выдохнул и сдался.

Неспящий по ночам вампир и так и не сумевший заснуть дракон проболтали до рассвета. Этот Вега оказался неплохим парнем. Болтливым, немного шизанутым и не сомневающимся в своей крутости, — этим он сильно напоминал Хранителю Михея — но единственным, кто казался Саартану нормальным здесь, в Суушире. Да, у вампира есть особняк. Да, он торгует оружием. Да, он наёмник, причём — охотник на нечисть. И да, как и сказал Мирэной, он не

совсем вампир. Но это было Саартану ближе, чем проглоченные хаимы, избавляющиеся от эмоций джинны и кармические воплощения одного конкретного нага.

— Наш мир захватили мирты, — рассказывал Славиш. — Бестелесные, мы их называли, призраки. Когда они пришли, то были дружелюбными. Но ты же знаешь людей? Им всё чуждое — угроза. Началась расовая нетерпимость, война на уничтожение. Мирты узнали, что такое агрессия, а они очень быстро учатся. Что твои джинны. Ну и начали вселяться в людей. И хрен ты мирта от человека теперь отличишь, тут нюх нужен. И люди, эти безмозглые расисты вспомнили о вампирах.

— Герти? — спросил Саартан, подкладывая подушку под лопатки.

— Кто?

— Вампиры как раса — это герти. Нет?

— Да я как-то историей семьи не интересовался, — Славиш почесал лоб. — Может и герти. Но у нас вампиров называют кровами. У кого-то губы отморозило, и он слово «кровь» выговорить не смог. Знакомишься такой: привет, я — кров. Как-то по-дурацкому звучит, да?

— Скорее всего, твой с отмороженными губами не успел договорить. Что-то вроде: «Бегите! Там кров...ососы!».

Вега рассмеялся. Искренне и заразительно. Так, что Саартан тоже улыбнулся.

— Может и так всё было, — сквозь смех проговорил Славиш. — Один фиг мы — кровы. Короче, вампиры могли распознать миртов, начали сражаться бок обок с людьми. Мирты мутировали, и всем понадобились новые охотники на нечисть. Так появился я. С братом.

— У тебя ещё и брат есть?

— Ага, Милош. Близнец мой, только у него с глазами всё в порядке. И он не такой белый, как я. И его рождение ждали, а я выскочил из мамки: нежданчик! Думали, не выживу. А он — вот он я, — Славиш погладил себя по белоснежным волосам и усмехнулся краешком губ. — Мы — полукровки. И кровы и мирты.

— Это поэтому ты всеядный? Белобрысый... прости, это я о Мирэное. Так вот он сказал, что тебя кирпичами кормить можно.

— Подозрительно много ваш Мирэной знает обо мне, — Славиш прищурился. — Я его уже заочно не люблю.

— Очно он тебе тоже вряд ли понравится.

— Ты на жену его запал, да?

— Что-что? — Саартан вскинулся. — С какого это перепуту-то?

— После слова «жена» Дейрдре ещё много слов сказала. А сердце у тебя дрогнуло именно на этом.

— А дрогнуло б на, скажем, трансформатор, то что?

— Не меняй тему.

— Ты сам сменил. Я про всеядность спросил.

— Я всё могу сожрать и переварить в силу. Сжигаю в себе, получаю энергию. Я ответил. Валяй ты.

— Ни на кого я не западал, — Хранитель опустил подушку и улёгся на неё.

— Тогда я западу.

— То есть?

— Раз тебе всё равно, то я уведу её у этого вашего Мирэной.

— Ха! — Саартан отвернулся к стене и натянул одеяло. — Попробуй.

— Но в постель затащу точно.

— Угу.

— Спорим?

— Нет. Уже светает, скорее всего. Я бы вздремнул хоть часок.

— Спи. И пусть тебе присниться, как я...

Хранитель старался не слушать, как Вега в красках расписывает, чем он собирается заняться с госпожой Септемберель. Не особо-то получалось, но пришлось ждать, пока красно-речивый альбинос выдохнется. Не убивать же его из-за того, чего вроде бы нет. Из ревности.

Мицу оказался совсем мальчишкой. На вид — не старше пятнадцати-шестнадцати лет по человеческим меркам. И уже лейтенант. Конечно, годков-то ему могло быть как в два раза больше, так и в десять, но Саартана всё равно злил тот факт, что какой-то мелкий пацан будет им командовать. Мицу отдал деньги Дейдре, приветливо пообнимался с ней, как давно не заходивший в гости любимый племянник, пощebetал с целительницей на кухне за чашкой чая и только потом пришёл знакомиться со своими подопечными. Вожатый, чтоб его! Мирёной точно издевается...

— Вот, держите, — Мицу протянул Славишу и Саартану по кольцу. — Это мгновенный портал в дом целительницы. Полигон считается тренировочным, но на нём легко могут убить. А это кольцо отправит вас к госпоже Дейдре в случае смертельной раны и спасёт вам жизнь.

— А если нас, скажем, испепелят на месте? — Хранитель с сомнением разглядывал амулет.

— Есть несколько секунд на то, чтобы ухватить оборванную нить жизни, — Мицу широко улыбнулся. — При условии, что от вас хоть что-то осталось.

— А, то есть может и не остаться. Отличная перспектива провести выходные.

— Зверомонстры выпускают по уровню воинов, так что шанс напороться на того, кто испепеляет взглядом, невелик.

— Зверо кого? — спросил Славиш. Он надел кольцо на палец и пару раз сжал и разжал руку, проверяя, не будет ли оно ему мешать. — Монстров?

— При Лиге есть Зверинец, — объяснил Мицу. — Мы там выращиваем разных опасных существ.

— А потом убиваете? — Саартан хмыкнул. — Жестоко.

— Это не охота, господин Саартан, — Мицу посерьезнел. — Это бой. На полигоне каждый имеет шанс победить. А зверомонстры кроме как убивать и калечить больше ни на что не способны.

— А жители города не против такого соседства?

— И Зверинец, и полигон находятся в другом измерении. Угрозы прорыва нет. И вот ещё что. За шкуру каждого зверомонстра полагается награда в один золотой. За уничтожение без трофеев — только очки, баллы. Чем больше очков, тем выше ваш рейтинг. А от рейтинга зависит ваша карьера в Лиге.

— Я не планировал связывать свою жизнь со службой в Лиге, — Хранитель недовольно свёл брови.

— И я не планировал, — кивнул Славиш. — Но мне любопытно. Похоже на компьютерную игру, только живого действия. Звучит прикольно!

— Господин Саартан, — Мицу принялся терпеливо поправлять длинную кожаную перчатку на правой руке. Таковую, с какими выходят на соколиную охоту. Да и сам лейтенант был чем-то похож на птицу вроде того же сокола: жёсткие каштановые волосы торчат в разные стороны, как перья, глаза жёлтые, черты лица резковатые, хищные. — Мне поручено разъяснить вам, как тут выживают и зарабатывают деньги. Будете ли вы дальше служить Лиге или нет — не моя проблема. Но пока вы под моим командованием, я постараюсь сделать всё возможное, чтобы вы остались относительно здоровы, полезны и при деньгах. Если всё понятно, то я бы поспешил. Тренировки на полигоне проходят по расписанию.

Нет, всё-таки в Лиге звания раздаются не бессистемно. Похожий на сокола мальчишка — лейтенант не за красивые глаза и не из-за, возможно, знатного происхождения. Он своё звание завоевал, сражаясь со зверомонстрами, некоторые из которых могут испепелять людей

взглядом... Придётся признать, Хранитель, что кроме Лиги и её протектората у тебя в Суушире больше ничего нет. И смириться с тем, что юные дарования вроде этого Мицу будут приказывать тебе и тыкать носом в твои недостатки. Не стоит забывать, что полигон — в конечном итоге вотчина Фаархи.

Полигон представлял собой лабиринт из полуразрушенных городских построек, которые с одной стороны полукругом поджимала изрытая пещерами скалистая гряда, а с другой — почти вплотную подступал угрюмый хвойный лес. Улицы лабиринта были пустынные и завалены всяким хламом: деревянные балки, перевернутые телеги и обглоданные до костей трупы лошадей рядом с ними, раскатившиеся бочки и пустые раскрытые сундуки, дырявые мешки с песком и целые баррикады из них, поваленные искорёженные стволы деревьев и переломленные столбы фонарей с разбитыми светильниками, сваленные горами камни и много чего другого, что придавало этому месту вид брошенного после кровопролитного боя города.

Славиш восхищённо присвистнул, разглядывая живописную местность с высоты каменного плато, на котором открылся портал Мицу.

— Офигеть, как круто! — он подошёл к самому краю плато и глянул вниз. — Охрененно! У меня аж руки зачесались кого-нибудь здесь пристрелить!

— Мы называем полигон Городом Мёртвых, — с гордостью проговорил Мицу. — Лига специально нанимала гномов, чтобы они тут всё отстроили. Катакомбы под городом, шахты там. Большую часть уже разнесли в пыль, но, по-моему, стало только лучше.

— Да тут зашибись! — Славиш обернулся на Хранителя. — А ты идти не хотел!

— Я и сейчас не горю желанием спускаться в эти руины, — с холодком в голосе отозвался Саартан. — Вот объясните мне. Лига тратит деньги на то, чтобы выращивать чудовищ, а потом платит за их уничтожение. В чём смысл?

— Смысл в том, — Мицу поднял вверх указательный палец, — что каждое убитое тобой чудовище, даже в совместном рейде, заносится в твоё личное дело. Ты получаешь лицензию на истребление подобных монстров в Суушире и принимаешь заказы на них от горожан. А за выполнение заказов платят хорошо, очень даже хорошо. И процент от твоей оплаты поступает в казну Лиги.

— Откуда берутся «подобные монстры» в Суушире, если угрозы прорыва нет? — подозрительно и с долей язвительности спросил Хранитель.

— То маг какой-нибудь тайно выведет, то из Вечного леса госпожи Стинары сбегут. Да мало ли! Это же магический мир.

— Наро-од! — Славиш нетерпеливо повёл плечами. — Хватит трепаться! У нас вроде как время ограничено расписанием. Может уже спустимся?

— Я только за, — Мицу глянул на Хранителя.

Саартан скривился.

— Не нравится мне всё это, — пробубнил он и кивнул, мол, идём.

Когда они были на плато, стояла ясная погода. Но стоило троице спуститься в Город Мёртвых, поднялся ветер, небо затянула беспросветная серая пелена, и начал накрапывать противный мелкий дождик.

— Повезло, что не снег, — Мицу зябко поёжился и огляделся. — В катакомбы спускаться не будем — не ваш уровень. Предлагаю прогуляться по улицам.

Саартан равнодушно пожал плечами. Славиш принялся.

— Пахнет псиной, — сказал он. Чихнул и потёр нос. — Мокрой.

И, подтверждая его слова, где-то вдалеке раздался протяжный вой. Его подхватили сразу несколько глоток.

— Волколаки охотятся на кого-то, — Мицу согнул руку в локте, и из перчатки с лязгом выскочили три стальных когтя.

— Ого, — Славиш покосился на лезвия. — А я думал — это для птичек.

Он резко выкинул вперёд сжатые кулаки и поднял их уже с пистолетами в ладонях. Саартан с Мицу недоверчиво переглянулись.

— Я думал, — начал Саартан, — что огнестрельное оружие...

— Не может быть духовным, — закончил за него Мицу. — Только холодное. Или они у тебя механические? Без пороха?

— Без пороха, — кивнул Славиш, раскрыл и развернул ладони так, чтобы пистолеты удобнее было рассмотреть. Оружие было очень элегантным, несмотря на кажущуюся тяжесть, с ярко выраженной оружейной эстетикой и харизмой: резная рукоять с гравировкой, идеально подогнанная под узкую вампирскую ладонь, удлинённый, немного приплюснутый округлый ствол, расширяющийся к дульному срезу, серебристый блеск стали и руническая вязь на ней. — Только металл, моя кровь и энергия. Ну, *сила*, в которую я пережигаю то, что сожру. Это мои девочки, валькирии. Гейр и Гела. И плевать я хотел, что это кольт! — непонятно закончил Славиш, любовно приласкал взглядом своих «девочек» и ожидающе глянул на Хранителя.

Мицу тоже посмотрел на Хранителя, и Саартан, предвосхищая вопросы, позвал в руку свою шпагу.

— Понятно, — кивнул Мицу. — Тогда за мной.

Он быстро побежал по улице, не скрываясь и не заботясь о том, сколько шума создают хрустящие под ботинками осколки стекла и щебня. Дракон и вампир рванули за ним.

Волколаки — шестеро огромных,двигающихся то на всех четырёх, то на двух коротких задних лапах, монстра, покрытых чёрной шерстью и с горящими красными глазищами — зажимали в тупик между домами двоих подростков. Мальчишка и девчонка в латах и с оружием. Дети. Против чудовищ. Саартан покосился на Мицу — этот ненамного старше выглядит. Со скольких лет вообще выпускают на полигон?..

Девчонка отстреливалась от зверомонстров из лука, а мальчишка лихо размахивал здоровенным, наверное, больше, чем он сам, двуручником. И, надо признать, довольно эффективно им отмахивался! Да и стрелы девчонки почти всегда находили цель. Но волколаки взвизгивали, отпрыгивали назад, быстро зализывали раны и вновь нападали. Их кольцо неумолимо сжималось.

Мицу вскинул руку почти одновременно с Вегой. Три лезвия со щелчком отделились от перчатки и, обгоняемые сдвоенными пулями Гейр и Гелы, полетели в монстров. Славиш в мгновение ока оказался рядом с окружёнными подростками, весь изломился, худой и длинный, как цапель, прыгнул вверх. Загрохотали выстрелы. Вега стрелял короткими дуплетами, выпуская в каждую цель по четыре пули с двух стволов. Когда он приземлился после затяжного прыжка, два монстра покатались по брусчатке с пробитыми черепами, разбрызгивая дурно пахнущую серо-зелёную жижу из страшных ран, один, подвывая и поджимая лапу, дал дёру, а трое других отступили, яростно рыча и лупя себя по бокам хвостами.

Мицу и подоспевший Саартан налетели на волколаков сзади. На перчатке лейтенанта вновь сверкнули лезвия. Он закружился среди чудовищ, рубя и кромсая стальными когтями направо и налево. Саартан растерялся, не успевая прицелиться для укола шпагой, а мальчишка и девчонка переглянулись, сообразили, что люди — это подмога, а не новые враги, и пошли на прорыв. Вновь послышались выстрелы, свистнули стрелы и совсем рядом с Хранителем с шипением рассёк воздух чёрный клинок двуручника. Шпага дёрнула руку Саартана, изогнула и метнула в сторону и вверх, а потом стремительно вперёд, распарывая и пронзая что-то мерзко

хлопнувшее и затем тяжело засопевшее. Смерд ударил в ноздри. Хранитель отшатнулся, прикрываясь полой плаща. Он снова упустил тот момент, когда подаренная Дейдрре одежда сменилась его традиционным алым одеянием, которое так не нравилось Иватарну.

Стало тихо. Только сбивчатое дыхание четверых воинов и шорох опускаемого оружия нарушали тишину. И урчание. Какое-то кошачье. Урчал Вега. Вампир, кривясь и морщась... пил кровь (или что там им её заменяло?) одного из поверженных зверомонстров. Его белый костюм был заляпан зелёной слизью, с подбородка капало что-то тягучее, исходящее паром... Саартан отвернулся, сдерживая тошноту. И тишина тотчас закончилось. Что именно произошло, Хранитель не понял. Его швырнуло спиной на стену, а в грудь ему упёрся наконецник чёрного двуручника. Его обладатель держал руку полусогнутой, и разожми он её, Саартан оказался бы припилен лезвием к стене, как бабочка иголкой. Другой рукой мальчишка прижимал к горлу опарашенного Мицу кинжал. Его напарница, отскочившая на десяток шагов, целилась из лука в Славиша, который, в свою очередь, целился в лучницу из одного пистолета, а второй держал у виска мальчишки с двуручником.

— Я быстрее, — Славиш облизал липкие губы.

— Хочешь проверить? — девчонка сильнее натянула тетиву.

— Эй! Эй! — Мицу медленно втянул когти в перчатку. — Всё хорошо! Данн! Свои же!

— Я их не знаю, — Данн сузил глаза на Саартана.

Жёлтые, как у самого Мицу, только с зелёными разводами.

— Да они новобранцы! Первый раз в ГэеМе! Мой отряд, — закончил лейтенант почти жалобно.

Мечник поджал губы. Шевельнул двуручником (как он вообще его одной рукой так легко держит?!), нарочно или случайно поддев цепочку с кулоном Фаархи на груди Хранителя. Саартан напрягся, ободок в его глазах опасно потёк к зрачку.

— Они мне не нравятся, — упрямо заявил Данн. — И что это за тварь?

Про тварь — это, к счастью, про Вегу. Саартан догадался по ответу Мицу:

— Да вампир он! Только очень голодный.

— Раз голодный, значит слабый, — лучница улыбнулась Славишу.

— Я и без капли крови быстрее тебя, — Славиш улыбнулся в ответ, обнажая клыки. — А у тебя уже рука на тетиве дрожит.

Девчонка обиженно вздёрнула начавший незаметно опускаться лук. Вега взвёл курок.

— Да хватит уже! — крикнул Мицу, выворачиваясь из-под руки мечника. Тот в последний момент успел убрать кинжал, чтобы не полоснуть им лейтенанта по шее. — Данн, ну заканчивай цирк!

— Ладно, — Данн опустил меч. — Эйтлин, убери оружие.

Лучница, не сводя глаз с Веги, сняла стрелу с тетивы. Славиш, помедлив, растворил пистолеты в ладони.

— Доля секунды, — предупредил он. — Достать их — доля секунды.

Саартан отлип от стены и поспешно спрятал кулон под рубашку. Все убрали оружие и разошлись на две стороны: двое на одну, трое — на другую. Как будто кто-то провёл между ними невидимую черту.

— Данн, Эйтлин, — Мицу вышел чуть вперёд. — Это Саартан и Славиш. Славиш, Саартан, это Эйтлин и Данн. Они из Гильдии.

— Оу, — Вега оглядел гильдийцев заинтересованным взглядом. — А мы разве тут не одни должны быть?

— У Гильдии расписание тренировок пресекается с лиговским.

— Ты лучше скажи, — Данн скрестил руки на груди. — Как добычу делить будем?

— Я каждому шкуру прошил! — восторженно воскликнул Славиш. — Уложил троих. Ну, двоих с половиной. И ещё один убёг. Тоже предлагаю считать за половину. Итого — трое моих, так и так.

— Ишь ты, хитрый какой! — Эйтлину ударило в бок. — Я тоже каждому шкуру прошила! И что? И мы первыми их нашли!

— Или они вас?

— Мы их заманивали! А вы распугали.

— Чего-о-о?

— Ну-ка цыц! — Мицу даже ногой топнул для убедительности. — Их пятеро — нас пятеро. Никому не обидно.

— Я соглашусь, — Данн усмехнулся. Как-то по-взрослому, и Хранитель снова подумал, что лет и этому парнишке может быть в несколько раз больше тех, на какие он выглядит. — Если ты, Мицу, признаешь, что мы вас сегодня сделали.

— Ты бы ничего не успела, — заухмылялся ему Вега. Саартан моргнул: успела? — От стрелы я бы увернулся, а вот вы от моих пуль — вряд ли. Говорю же, я бы-ыс-тре-е! Ну, царапнула бы ты дракончика, и что? Вот босс наш — да, мог пострадать от твоего ножичка. Это я признаю. И всё равно счёт был бы один к двум. Трупикам.

— Ты девочка? — в лоб спросил Саартан у Данна. Или у Данн?

Мечник заморгал от неожиданности и отступил на шаг, а Мицу рассмеялся.

— Данн вечно с мальчишкой путают! — сказал он. — Но она — одна из самых сильных бойцов Гильдии, так что не советую с ней ссориться. И девочкой называть. А то наша драконница как раз из тех, кто умеет испепелять взглядом. Так что, Вега, извини, но они бы нас сделали при желании.

Славиш издал возмущённо «пфф!» и закатил глаза, явно не согласный со словами командира.

— Да ладно! — примирительно улыбнулась Эйтлин. — Ты, в самом деле, очень быстрый.

— Ага, сам знаю, капитан очевидность, — беззлобно огрызнулся Славиш.

Похоже, его не расстраивало, что две девчонки — девчонки! — поставили их в патовую ситуацию. Или он просто остался при своём мнении. Саартана вот их «ничья» сокрушала.

— И что? Вся ролевушка? — спросил Славиш. — Геймовер?

— Чего? — не понял Мицу.

— Наигрались, говорю? Делим очки и разбегаемся?

— Очки тебе в Лиге посчитают, а вот туши зверомонстров нужно разделить. Ты ведь уже начал, да? — Мицу расплылся в улыбке. — Только потом не забудь сменить костюм.

— Выкинуть что ли?

Славиш на намёк лейтенанта только пожал плечами, а у Хранителя комок к горлу подступил. Что значит — разделить?!

— Э-э-э... — Мицу загнулся и кивнул на Саартана. — Ну, вот как он поменял.

— Я так не умею...

— Слушай, Мицу, — Данн нетерпеливо дёрнула головой. — Вы тут разбирайтесь, а мы делом займёмся.

— Да не вопрос...

Когда гильдийки отошли свежевать туши зверомонстров, Хранитель метнулся к Веге.

— Славиш, — быстро зашептал Саартан. — Я тебя научу одёжку менять! Только избавь меня от... — он бросил быстрый взгляд на деловито орудующих ножами девчонок. — От этого извращения!

Славиш, преувеличивая и приукрашивая, раздувая историю до невероятных размеров захватывающего приключения, рассказывал целительнице про их с Хранителем первую вылазку на полигон. Дейдрре притворно ахала и охала, прикрывала глаза ладошками и смеялась. Саартан мрачно скупал чай.

— А Саныч такой, — Славиш сделал лицо каменным и проговорил, мастерски подделывая голос Хранителя: — Ты чё, девственница?..

Саартан поперхнулся и расплескал на себя чай.

— Ты чего несёшь, упырь бледнорылый?! — зарычал он. — И какой я тебе Саныч?!

— Ну, оговорился, — Славиш спрятался за целительницу, которая замахала на Хранителя руками, мол, остынь, он пошутил. — Девочка, ты сказал — девочка. Что в некотором контексте звучит, как невинная и девственница. А Саныч — уважительное от сокращённого до Сан Саартана. В бою короткие имена эффективнее.

— То есть, если я тебя Слаш буду звать, ты не обидишься? — прошипел Саартан. — Или лучше Виш!

— Виш — неплохо, но странно будет слышать это от тебя, — Славиш загадочно улыбнулся, и Хранитель про себя твёрдо решил, что так точно его называть не будет. Что бы там оно ни значило. — Меня можно звать просто Вега. Я всё равно окажусь рядом раньше, чем ты любое слово произнесёшь.

— Чт...

Славиш оказался за плечом Хранителя прежде, чем тот договорил:

— ..о, серьёзно?

Саартан сплюнул в сердцах:

— Да что б тебя! — он перевёл взгляд на умильно улыбающуюся Дейдрре. — Глумитесь?

— Нисколько, — целительница пододвинула севшему обратно за стол довольному вампиру вазочку с печеньем. — Вы очень хорошо вдвоём смотрите. Мило. Мальчики — такие мальчики! А той девочке, Данаис, сто четыре года. И она — Мастер меча, тренирует согильдийцев.

— Офигеть! — Славиш изумлённо вскинул брови. — Мелковато выглядит для такого солидного возраста!

— Это уж я не знаю, почему. Драконы сами решают, когда им взрослеть. Тем более, золотые.

О золотых драконах Хранитель слышал, что они прямые потомки Солна, Духа Суушира. Вроде драконов над драконами, властители мира. Тёмный Владыка Лиги, несмотря на свой зловещий титул, тоже золотой дракон. На котором верхом летает Лэуорд, советник Лиги... ха! Поразительно!

— А Мицу сколько? — спросил Саартан, загодя приготовившись не удивляться.

— Двадцать восемь. Мирэною около трёх сотен, а Лорду не спрашивай, сколько. Он и сам уже, наверное, не помнит.

Про возраст самой целительницы Хранитель спросить постеснялся.

Глава

IV

Семя

— Он молчит, как партизан! — Иватарн ходил по кабинету из угла в угол, разговаривая с трёхмерным изображением главы совета у себя на руке, на браслете. — Пытать мне его что ли?! Шу, ты ведь понимаешь, что это значит? Он замыслил что-то из ряда вон выходящее! Даже Кот не может его расколоть!

— Я могу, — подал из своего кресла голос Кот. — Но лезть к нему в голову — себе дороже. Там же бардак.

— Творческий беспорядок, — робко поправил его Михей и сжался под гневным взглядом Иватарна.

— Шу, — Иватарн остановился и с мольбой посмотрел на задумчиво покачивающегося нага. — Выручай! Там моя девочка! Он угробит её, как пить дать!

— Я верну...

— Да я за её психическое состояние боюсь! — рывкнул на Михея куратор. — Ты же не умеешь обращаться с такими кораблями! И она же к твоей башке подключена! К твоей набитой чёрте знает чем башке!

— Спокойнее, Кэп, — мягко попросил Фаарха. — Мальчик не совсем дурачок, понимает, что ты с ним сделаешь, если заметишь на Гальционе хоть царапину. Пусть летит ко мне. Заодно поможет разгрестись с отчётами.

— Дать ему ещё один корабль?! — возмутился Иватарн и тут же стушевался под тяжёлым и каким-то усталым взглядом главы совета. — Прости, Шу. Хорошо, я отправлю его к тебе как можно скорее. У него всего три дня, и первый уже на исходе.

Кот проводил Михея до причала, где на мачте одиноко покачивался серебристый катер. Куратор замер в нескольких шагах от мачты, поднял голову и, блаженно жмурясь, подставил лицо тёплым солнечным лучам. Михей кинул на него косой взгляд. Он никак не мог смириться с этой странной привычкой своего учителя. Вампир, который любит солнце! И ведь на него даже загар ложился! Сейчас, в самом начале осени, морщинистое и суховатое лицо Кота в смуглости уступало только цвету кожи главы совета, что придавало куратору в купе с седыми волосами и пронзительной зеленью глаз вид хищный, неприветливый и более строгий, чем обычно. Неправильный вампир! Где, скажите на милость, мертвенная фарфоровая бледность и синеватая тень на тонких губах?! Кот-то, конечно, не мертвец, какими в книжках описывают большинство вампиров, он очень даже живой, но... всё равно! Вон вампириша Саа — эталон вампирской эстетики! А этот?... Стоит, неканоничный, под солнышком, готовый замурлыкать от удовольствия!

— Кот, — Михей коснулся предплечья учителя, чтобы привлечь внимание. Куратор вздрогнул и качнулся в сторону, уходя от его пальцев. Мда... неканоничный вампир с гаптофобией. Михей как-то всегда думал, что с возрастом разумные существа набираются опыта, мудрости, развиваются в общем, а не обрастают закидонами вроде боязни чужих прикосновений. И воды, если вспомнить. Кот панически боится воды. Любой, даже самого ненавязчивого дождика или случайных брызг с мокрых рук. — Кот, а когда ты был молодой, какого цвета были у тебя волосы? То есть, ты и сейчас не старый, конечно! Я имел в виду, до того, как поседел.

Кот изогнул бровь, кхекнул удивлённо.

— А тебе разве не полагается размышлять над тем, что Фаарха твой мозг наизнанку вывернет? — спросил он.

— Я — фантом, меня не жалко, — Михей улыбнулся.

Кот нахмурился.

— Я не понимаю, — покачал он головой. — Как ты так легко говоришь об этом. Ты выглядишь, как Михей, ведёшь себя, как Михей, мыслишь, как Михей. Да ты и есть он! А называешь себя фантомом. И не переживаешь, что через два дня тебя не станет.

— Зеркало — хитрая штука. Когда меня не станет, я никуда не исчезну, а вернусь в себя. Как бы воссоединюсь с собой. Я — свой собственный аватар. Это как разделить душу на несколько кусочков, а потом собрать воедино.

— Несколько кусочков? То есть, тебя ещё и много может быть?

— Пока не знаю, не пробовал. Но, думаю, что да.

— Много Михов. Михапокалипсис. Но ты же разбил Зеркало?

— Это только для того, чтобы спрятать в своём внутреннем мире. А там всё снова становится целым. И, если достаточно силы, это целое можно извлечь.

— Хм. Чёрт ногу сломит.

Кот дотронулся до своего браслета, и перед ними открылся розоватый мерцающий зёв перехода.

— Иди, — сказал он своему ученику. — Поторопись, пока...кхе... не воссоединился. Михей одарил учителя тёплой улыбкой.

— А ты переживаешь за меня, — он лукаво прищурился. — Спасибо, я это ценю.

И шагнул в переход.

— Я шатен, — тихо сказал ему вслед Кот. — Был.

Фаарха лежал на полу, растянувшись во всю длину на аляпистом ковре, и лениво помахивал на хвосте погремушкой. Вокруг него летали тускло мерцающие сферы — целая стая сероватых матовых шаров. Наг изредка касался кончиком погремушки одной из сфер, та вспыхивала белым и становилась прозрачной с плавающими в ней значками-иконками, которые раскрывались перед главой совета то в текст, то в график, то в изображение или видео. Фаарха ознакомлялся с содержимым шара и отправлял сферу обратно в свободное парение над своей головой.

Михей робко прошмыгнул в кабинет главы Высшего совета кураторов, нерешительно подошёл к коврику на полу. Переступил с ноги на ногу, не смея отвлекать нага от его жонглирования шарами. Тот не обратил на вошедшего мальчика ни малейшего внимания. Михей сунул руки в карманы шорт и нахохлился. Постоял молча, сколько хватило терпения — минуты две, — собрался с духом, снял сандалии и шагнул на ковёр:

— Шу! Это важно!

Наг закатил глаза, взмахнул погремушкой, разгоняя сферы, приподнялся и наконец-то посмотрел на непго.

— Правда что ли, сладкий мой? — спросил он с иронией.

— Да, — Михей осторожно перешагнул через зашевелившийся хвост главы совета. — Можно присесть?

— Ах, мы спрашиваем разрешения! — Фаарха похлопал ладонью рядом с собой. — Я сочту это за угрызения совести?

— Их у меня не бывает, — Михей плюхнулся на ковёр и поджал ноги. — Но я не хотел отвлекать тебя от... — он обвёл взглядом плавающие вокруг сферы. — Чем бы ты тут не занимался.

— Это отчёты от советников и письма от кураторов. В основном. С которыми ты мне сейчас поможешь. Возьми арах.

Наг вытянул из-под себя тонкую прозрачную пластинку размером чуть больше ладони и пододвинул её Михею. Михей взял пластину, повертел в руках. Арах... сокращённо от «арах-

нида». Ну да, раз есть Сеть, то должен быть и Паук. Арах — это устройство, предназначенное для накопления, обработки, передачи и хранения информации. В некоторых мирах его ещё называют компьютер. Михай дотронулся пальцами до поверхности арахы, растянул его в сферу, сунул в неё руку и, поразмыслив мгновение, коснулся значка «почта».

— А что делать-то? — спросил он, читая развернувшееся письмо.

— То же, чем ты занимаешься сейчас, — Фаарха полуприкрыл веки, сдерживая усмешку. — Только ещё отвечать.

— Отвечать? — Михай оторвался от арахы. — На письма тебе? А если в них что-то личное? Или непристойное? Тебе пишут непристойные письма? Или любовные? О! У тебя же должно быть полно поклонников! И забытых дам по всей Системе, которым ты разбил сердце! Они тебе пишут?

— Не тараторь, — хвост главы совета медленно потёк вокруг него, свиваясь кольцами. — Мне много кто пишет. И разное. К несчастью, связаться со мной может любой, а подходящего фильтра я до сих пор себе не подобрал.

— А секретаря у тебя нету?

— Если ты будешь продолжать косячить, то он мне не понадобится.

Михай потупился.

— Я всегда стараюсь сделать твою причастность, пусть даже косвенную в виде меня, как твоего ученика, неочевидной, — негромко сказал он.

— Ты ученик Кота, не забывай, — Фаарха подтянул к себе и мягко перекинул Михею ещё две сферы. Тот поймал их и опустил перед собой, машинально открывая подсвеченные значки. — То, что даю тебе я... это моя прихоть, не более. Работай. Отвечать можешь на своё усмотрение и понимание слова «тактичность». Найдёшь что-то любопытное, скинешь мне на этот арах.

Наг указал на один из шаров. Михай вздохнул, открыл сразу все файлы на трёх арахх перед ним, пробежался по разносортной информации глазами и, быстро пролистывая и секундными прикосновениями к ответной строке вливая мыслеформы в текст, принялся отвечать на письма. Фаарха наблюдал за ним с любопытством, а спустя несколько минут подкинул ещё пару сфер. Михай фыркнул, активировал их, но темп не снизил. Наг склонил голову набок и с интервалом в полминуты отослал ему все, кроме своего личного, арахы. Михай покосился на главу совета, ничего не сказал. Продолжил работать со всеми арахами сразу.

— Талант! — восхитился Фаарха. — Любезный мой, ты когда-нибудь займёшь моё место!

— Ну, спасибо! — хмыкнул Михай, не отрываясь от мерцающих сфер. — Книжный червь — это не по мне. Почему ты не задаёшь мне вопросов, м?

Наг проглотил «книжного червя», спросил:

— А ты готов отвечать?

Пальцы Михея на миг замерли, а затем замелькали в сферах с удвоенной скоростью. Михай почти с головой залез в арахы.

— Когда созрешь, сам расскажешь, — Фаарха потянулся всем корпусом, хрустнул шеей, улёгся на ковре поудобнее и закрыл глаза. — Но я выдвигаю ультиматум: либо выкладываешь мне, что ты там такого грандиозного задумал, либо не произносишь ни слова. Пока не растворишься, как и полагается призраку. Услышу хоть звук с твоей стороны — пеняй на себя.

Михей вперился в нага недоверчивым взглядом. Глава совета приоткрыл один глаз, усмехнулся.

— И да, — голос нага стал медовым. — Всё это время ты будешь рядышком со мной. У меня полно пыльной бумажной работы, чтобы на исходе второго дня ты исчез из моего кабинета, искренне веря, что книжный червь — твоё второе я.

— Это нечестно! — взвился Михай.

Кольца хвоста нага одним движением стянулись вокруг него в тугий узел, а взметнувшаяся погремушка, подрагивая, остановилась на полдюйма от его лба.

— Первое предупреждение, хороший мой, — мурлыкнул глава совета, отпуская задохнувшегося мальчишку. — И последнее. Обычно у меня их три, но ты ведь у нас уникальная личность.

Михей надулся. Ткнул пальцем в первое попавшееся письмо, вывел, не читая, в ответной строке: «Хочу приковать вас к постели и нежно лизать ваши пятки. Ф.Ш. Асшайас».

— Добавь «с уважением», — Фаарха издал смешок. — И «люблю, целую». А то суховато. Я так не пишу.

Михей фыркнул.

— Посчитать за звук? — поинтересовался наг.

Михей скорчил рожу и показал главе совета язык. Погремушка поползла ему под майку. Михей скривился, выгнулся и, не выдержав, захихикал. Фаарха завалил его, запеленал хвостом, как младенца, оставив торчать одну голову. Вскинулся и навис над ним, сжав все четыре кулака.

— Ты напрос-с-сился, — мелькнул раздвоенный язык нага.

— Ладно! Шу! Я скажу!

Глава совета скрестил руки на груди, чуть разжал кольца и прищурился:

— Слушаю.

— Я... — Михей понурился. — Полетел добывать семя Древа...

Фаарха вопросительно поднял бровь.

— Не зачем, — ответил Михей на незаданный вопрос. — А потому что. Потому, что никто этого до меня не делал.

— Ты уверен?

— О-о-о, делали?!

— Нет. Но пытались.

— Они пытались, а я смогу.

— Может быть. Какой план?

— Ты не злишься? — удивлённо и одновременно с надеждой спросил Михей.

— Злюсь, — ответил наг совершенно спокойно. В глубине его глаз затаилась готовая вырваться на волю улыбка. — Ещё как.

Михей посмотрел на главу совета с благодарностью и потёрся щекой о тёплую шершавую чешую хвоста. Фаарха всё же улыбнулся, опустил на ковёр, укладывая Михея рядом с собой:

— Рассказывай, лисья морда.

— Я найду мир, который уже начал разрушаться и доразрушу его, — Михей растянулся рядом с ним на животе, согнул ноги в коленях и принялся ими болтать. Потускневшие в режиме ожидания сферы арахов закружились вокруг его ног хороводом, напоминая маленькие планеты. — Ты не бойся! Я всё проверю, чтобы в мире никого не осталось! Нужно много силы, чтобы добраться до семени и выковать его из сердца мира. Я соберу энергию от распада реальности и воспользуюсь ею. А потом вернусь. Гальциону я спрячу, она не пострадает! А перед Кэпом я извинюсь...

— А теперь подумай, почему, если всё так просто, никто раньше до тебя не смог завладеть семенем Древа, — Фаарха задумчиво следил за гипнотическим полётом шаров.

— М-м-м... им некуда его было потом деть? Мне-то есть куда! Во мне целый мир! Семя в Менкаре не прорастёт, если я не захочу.

— Как вариант. А ещё?

— Цайары охраняют такие миры?

— Следят за ними, да. Да и кураторы приглядывают.

— Я буду осторожен! Они меня не заметят!

— Заметят, но могут не обратить внимания. Посчитают тебя смертником.

— Почему?

— Потому что разрушающиеся миры притягивают к себе таких существ, на описание которых даже твоей фантазии не хватит.

— О...

— О. Тебя сожрут, и даже Пустоте не оставят хоть маленький кусочек души. И будут довольны, заполучив такой деликатес, как фаршированная другим миром изнанка. И проникнут через тебя в Менкар, а оттуда — в Котлован. Описать тебе, что тогда будет, или сам догадаешься, сладкий мой?

— О, Шу! Я не подумал!

— Конечно, ты не подумал. Потому что не озадачился подумать. Твоя стихия — действовать, а не размышлять. В отличие от Саа.

— И что теперь делать? Я же уже улетел...

— Куда?

— Не знаю... Я прошёл сквозь Зеркало и создал меня до того, как определился с направлением.

— Вот как раз с Зеркалом никто, кроме тебя не смог разобраться. Твоему раздутому самолюбию этого мало?

— Шу... прости меня...

— Ах, Творец всемогущий! Я наблюдаю раскаяние, мальчик мой неугомонный? — Фаарха откинул руки, и пристыженный Михей подполз к нагу ближе, ткнулся ему носом в нижнюю подмышку. Шульга обнял его, взлохматил рыжие ему волосы. — Рассуждай. Я встречался с твоим первым двойником. Или кто из вас чьё отражение? Не важно, раз вы оба существуете параллельно... Тот ты, Андарс, если не ошибаюсь, как он себя называет, внешне отличается от тебя, но внутренне остался прежним тобой. Образ мыслей у вас одинаковый. Поэтому представь, что ты только планируешь свой полёт за семенем Древа. Куда бы ты отправился?

— Отражение... м-м-м, Андарса? Я, да. И я бы полетел на Окраину, — голос Михея звучал невнятно из-под руки нага. — Искать разрушающийся мир. Думаю, на приметном кураторском корабле незамеченным проще всего пройти сквозь кольцо пустотных камней. Я бы оставил Гальци там, среди астероидов, а сам в Пустоте добрался бы до мира. Но. Раз мне придётся идти в Пустоте пешком, мне нужно будет подкрепиться силой. Значит, я выбрал бы то кольцо пустотных камней, которое ближе всего подходит к дикому Ничто. Поохотился бы там.

— Таких мест всё равно многовато. Но я тебя найду. Открою тебе страшную тайну, — Фаарха понизил голос до шёпота. — У меня есть целый отдел в Цитадели, который улавливает малейшие возмущения в силе и просчитывает вероятности. Но это нисколько не умаляет мой собственный пророческий дар.

— У тебя же полно дел! — Михей высунулся из подмышки.

— Полно, — согласился глава совета. — Но на пару дней ты меня подменишь. Потому что делами друзей я занимаюсь только лично.

— Ох, Шу... О! Шу! — Михей вдруг встрепенулся, вытянул руку и провёл кончиками пальцев по смуглой шее нага. — Где твои паучки?!

Фаарха зажал его кисть щекой, опустил ресницы и улыбнулся:

— Об этом не беспокойся.

О, как он ошибся! Глупо, непростительно и недалёковидно было думать, что разрушающиеся миры пусты! Михей сплюнул кровь и отёр перепачканные слизью руки о куртку. Гады! Сколько вас там? Миллиарды что ли?! Хорошо, что хоть Гальциону догадался оставить. А то за неё Кэп с того света вытащит, чтобы снова пинками на него отправить. Кстати, попасть на

тот свет — не такая уж плохая перспектива. Оттуда можно сбежать. Но эти... кто они вообще?.. существа, присосавшиеся к миру, как клещи, и сосущие его последние жизненные соки, пили саму душу. Тянули её, и умри Михей сейчас, поглотили бы целиком. Михей задрал голову, взгляделся в бесцветное небо, рваными клочьями плывущее над проломом скалы далеко вверх. Среди облаков метались крылатые тени. Много. Слишком много. И ведь это только те, кого можно увидеть... А силы нужны для того, чтобы пробиться к Сердцу мира. И желательно, чтобы они остались на обратный путь. Да, желательно...

Стена за спиной зашевелилась, зарокотала. Михей заполошно плеснул себе под ноги *силу*. От испуга больше, чем следовало. Истончившаяся ткань мира лопнула, и он вместо того, чтобы проломить камень и упасть в пустоты под скалой, провалился сразу на следующий пласт реальности. Мир вокруг стал более объёмным, иллюзорным, выпуклым и тягучим. Михей увяз в нём, как в прозрачном киселе, запаниковал. Сверху, там, где полагалось быть верху, в чернеющую дыру протискивалось что-то бесформенное, покрытое толстыми извивающимися волосами-отростками, многоглазое, с маленькими острозубыми пастьми, разевающимися во все стороны и капающими слюной. Слюна расплзалась в киселе чернильными кляксами и прожигала в ткани мира новые дыры, в которых уже начиналось какое-то подозрительное шевеление.

Михей рванулся вниз. И вдруг увидел под собой, не понятно, близко или далеко, — казалось, протяни руку и дотронешься, и одновременно было ощущение недостижимости, — алеющий кристалл. Сердце мира! Вот оно! Михей заработал руками и ногами, продираясь сквозь реальность, поплыл к кристаллу. Кровь начала застывать в жилах. Не замерзать, а именно застывать. Превращаться в такой же кисель, как и всё вокруг. Плохо! Кровь — хранилище *силы*. Собственной. Михей подорвал основы мира, сломал сдерживающие его плоть скрепы, оставил себе только островок материального пласта со скалой, чтобы было от чего оттолкнуться. Впитал энергию от разрушения и спрятал её в себе, чтобы случайно не потратить на беснующихся вокруг чудовищ. Эта энергия нужна для того, чтобы расколоть Сердце мира, добыть семя Древа и бросить себя потом в Пустоту. Но если кровь застынет совсем, что делать-то? *Сила*, которую он получил от обитающих в диком Ничто монстров, давно исчерпалась.

Кристалл не приближался, но и не отдалялся. Проклятье! Зато волосатый бесформ был совсем рядом. И ещё какие-то твари лезли сквозь прожженные его слюной дыры. Отдать им бесполезную кровь, чтоб отвязались? Михей вытянул из-за пояса кинжал и полоснул им себя по запястьям. Нет, не полоснул. Кисель сковывал движения, и лезвием пришлось кромсать себе вены, двигая кинжалом медленно, орудуя им, как пилой. Михей скривился. Что ж, болью эти чудовища тоже будут довольны.

Капельки крови повисли в киселе рябиновой гроздью. Михей подул на них, чтобы они поплыли в сторону лезущих тварей. Завалился на спину, делая растянутый во времени кувырок назад... О! Никогда ещё обращение в лиса не было таким болезненным! Кости выломило, отошедшие от них мышцы и сухожилия закрипели, разрываемые и вновь сращиваемые, сосуды вспухли, местами лопнули, переплетаясь, расплетаясь и расплзаясь по телу. Трепетно хранимая энергия расплескалась, потекла наружу настырными ручейками. Когда Михей закончил свой кувырок, он оглох и ослеп, почти не чувствовал лап, а наличие хвоста не ощущал вовсе. Выругаться получилось только мысленно.

Нужно торопиться, пока энергия не вытекла полностью. Лис вытянулся, сжёг вокруг себя ручейки *силы*, использовал их как топливо для броска и, руководствуясь только внутренним чутьём, устремился на запах Сердца мира. Вкусный, сладкий, обещающий мощь и саму эссенцию жизни.

Михей плыл бесконечно долго. Он почти выдохся, когда его усы опалило пламя кристалла, а шерсть на морде и груди начала тлеть. Он поспешно окружил себя ореолом щита. Ну... как — поспешно? Когда щит сформировался, плоть на передних лапах, уже коснувшихся Сердца мира, успела обгореть до кости. Михей зарычал, точнее яростно захрипел, и ударил

всей своей силой по кристаллу. Сердце мира дрогнуло, отдача от удара выбила дух лиса из тела. Михей, повисшей на серебряной нити жизни, увидел себя со стороны: опалённого, окровавленного и свернувшегося в клубок лиса, сжимающего в пасти крупную светящуюся жемчужину.

Реальность дала трещину и начала осыпаться крупными, как стекло, осколками. В проглубины хлынула волна безликих и многоликих, бесформенных и напоминающих скорпионов, богомоллов и мурун, бестелесных, прозрачных и кажущихся сплошным сгустком перетекающей тьмы тварей. Они разом кинулись на съжившегося лиса, облепили его со всех сторон. По нити жизни, связывающей Муху с телом, пополз первый из подаренных Шульгой паучок. Он споро-висто принялся ловить лапками расползающиеся серебристые волокна и сплестать их воедино. Но нить жизни истончалась слишком быстро: паучки бежали по ней уже один за другим, однако всё равно не успевали восстанавливать рвущиеся и повисающие спиральками волоски.

С плеч Мухея на нить жизни соскользнула змея. Обвилась вокруг, отгоняя паучков назад в шевелящуюся грудку чудовищ, натянула чёрное в синих переливах гибкое тело, потянула мальчика хвостом за бесплотную шею к лису. Михей испугался и удивился одновременно. Испугался потому, что даже призраком ему ни за что не пройти через облепивших его тварей — они переключатся на основное блюдо с большим желанием, чем сейчас обсасывают аперитив. А удивился... змея-то откуда?! Во плоти, но тащит его, духа, к телу, как нефиг делать!

Грянул гром. Кисель гасил любые звуки, но раскатистый гул Михей слышал отчётливо. Даже призрачными ушами. Он поднял взгляд к тому, что могло бы быть одновременно и небом, и землёй, обомлел, потом обрадовался, затем снова обомлел, а потом совсем запутался в собственных эмоциях. Потому что с условного неба спускался Фаарха. Огромный, грозный, в короне и сияющих золотом латах, при ятаганах на украшенном драгоценными камнями кушаке и боевых кольцах у основания погремушки, которая тоже казалась покрытой золотом. В одной руке наг держал скипетр, а три других выставил ладонями вперёд со сложенными то ли в благословляющем, то ли в отпугивающем жесте пальцами. Кожа его человеческой половины тела была небесно-голубого цвета, рисунок татуировок на ней фосфоризировал, а за плечами широко и гордо раскинулись орлиные крылья.

За спиной нага словно разгорелось солнце. Яркий свет залил всё пространство. Твари прыснули от лиса, и по ним, разбегающимся и расползающимся, пронеслась коса. Михею показалось, что коса. Серая тень наискось чиркнула по копошащейся массе, оставив после себя чистую полосу залитой светом реальности. Тень остановилась, и Михей с трудом узнал в ней Кота. Высушенный, как мумия, состоящий из одних сплошных острых углов, его учитель с пылающими багрянцем глазами, когтями в шесть дюймов длинной и в плаще с капюшоном казался олицетворением смерти.

Уцелевшие чудовища слились в клубок, жадно набросились на застывшего в расслабленной позе куратора. Новый росчерк косы — и новая чистая полоса с обрубками и ошметками по краям. Кот возник перед Михеем, — бесплотным и, по сути, невидимым! — схватил его за шкирку — тоже призрачную! — и швырнул в тело лиса.

От плоти реальности отвалился громадный кусок, и в образовавшуюся дыру ворвалась серебристая сигара. Заложил крутой вираж, уводя в петлю преследующий её целый сонм устрашающего вида существ, рванула к условной земле, ушла в отрыв и свечой понеслась вниз. Невозможным манёвром развернулась, юзом подлетела к Коту и лису, на ходу буквально всосала их в себя и понеслась назад. Её обогнала кручёная сине-золотая стрела из вытянувшегося во всю длину и сложившего крылья нага. Сверкнули ятаганы, раскрутились в мельницу, расчищая Гальционе путь в кишасщем тварями проёме, а вскинутый жезл пробил кораблю выход в Пустоту.

Михей ещё не успел прийти в себя, а его уже тормозили и что-то орали в морду. Он приоткрыл глаза, увидел перед собой гневное лицо Иватарна и снова зажмурился.

— Да сделай с ней уже что-нибудь! — кричал Иватарн. — Глотай, твою ...!

О, как вдохновенно Кэп умеет ругаться, оказывается! Михей половины слов не знал, но смысл был понятен по интонациям. Глотать?.. А, глотать! Он про семя! В гудящую от потрясений голову лиса закралась пошлая ассоциация, и он непроизвольно захихикал.

— Да этот засранец ещё и ржёт! — взъярился Иватарн. — Дерево сейчас проклонится! Убирай его сейчас же с моего корабля!

Михей, не открывая глаз, выплюнул жемчужину между сожжённых лап. Подвигал челюстью и неразборчиво проговорил:

— Ме нжы сиы. Э саоть...

— А? — Иватарн наклонился к нему, чтобы лучше слышать.

— Ему нужны силы, — перевёл Кот. Он странно растягивал слова, и голос его был курлыкающим, бархатистым, льющимся. Опоён кровью Ива? — Сломать её он не может.

— Возьми мои что ли, — растерялся Иватарн.

— Неа, солнышко, давай лучше я, — ледяные пальцы разжали лису пасть и снова сжали её.

Во рту у Михея стало тепло и солёно. Странно. Древний герти сам как айсберг, а кровь у него горячая. О!.. Челюсти лиса с хрустом сжались на руке учителя. Кот дёрнулся, потащил Михея за собой. Жемчужина чуть было не укатилась из обрастающих плотью, кожей и шерстью лисьих лап. Михей прижал её к груди и, как только смог почувствовать мышцы, раздавил. *Сила*, бездонная, неистощимая, сокрушительная захлестнула его целиком, полилась бурлящим потоком в Менкар, и Михей едва успел подставить под неё свой собственный пространственно-временной карман. Сознание начало гаснуть. Проваливаясь в темноту, Михей ещё успел услышать, как рядом глухо ударился о палубу бесчувственный Кот.

Пламя свечей трепыхалось, отчего по стенам метались угловатые тени. За плотно задёрнутыми шторами на окнах неистовствовала гроза. Женщина в одной нижней сорочке, растрёпанная, сгорбленная и бледная, рыдала в кресле. Михей кричал на неё. То есть, кричал не он, а тот, кем Михей сейчас был — мальчишкой, злым, сжимающим кулаки, трясущимся от гнева.

— Шлюха проклятая! — надрывался Михей. — Из-за твоих шашней с ним отец погиб! Ты виновата! Он знал, что вы трахаетесь! Знал! Его убили из-за тебя! Из-за тебя! Ненавижу!

Женщина заломила руки и зарыдала в голос. Дверь распахнулась. Влетевший сквозняк задул все свечи. Михей-не-Михей испуганно обернулся, присел под тяжёлым взглядом, оскаллился и зарычал.

— Ты как с матерью разговариваешь, щенок?! — стоящий в дверном проёме тёмный силуэт шагнул в комнату.

И стало холодно. Невыносимо холодно. До лязга зубов. До судорог. Михей задрожал, попятился.

— Ну-ка иди сюда, поганец! — вошедший мужчина поднял руку, и Михей прыгнул, вцепился в неё зубами. Тут же вынул клыки из раны и сиганул вбок. Быстро, почти молниеносно. Но мужчина ловко поймал его за ворот пижамы. — Ах ты подлец!

Удар, хоть и смазанный пришёлся Михею по лицу. Пижамы с треском порвались, оставив в кулаке мужчины клочок, а Михей полетел на туалетный столик. Сшиб, его, перевернулся вместе с ним, упал на руки, перекатился и вскочил. Развернулся, чтобы ответить, но тут же получил новый удар под дых.

— Уолтер, не надо! — услышал Михей истеричный вскрик женщины... матери?

— Помолчи, Элеонора! — рявкнул Уолтер и сгрёб мальчишку за грудки. — Мне осточертели его выходки! Засранца надо проучить.

Он обнажил клыки. Длинные, страшные. Поднял Михея над полом, вперился горящим ненавистью взглядом, негромко и ядовито заговорил:

— Твой отец был ничтожеством. Никчёмным рохлей. Считал людей равными нам. Нам! Древнему роду Гофрэйдах! Древнейшему во всей Северной Европе! Безумец. Его убили за предательство. Он сдох, как последняя собака!

— Ты убил его! — выдохнул Ньярхайд.

Михей не сомневался, что сейчас был Котом. Или был внутри него? Или внутри его воспоминаний. Да, наверное... Уолтер сардонически расхохотался. И в этот момент маленький Кот пнул его в пах. Уолтер захлебнулся смехом, зарывал, в один миг переместился и врезал мальчишку спиной в стену. Вампирские кости выдержали, а вот каменная кладка стены — нет. Обрушилась с грохотом, как специально подгадав раскат грома на улице.

— Ты такой же, как он! — Уолтер задохнулся от бешенства. — Порченное семя! Неблагодарный ублюдок! Я покажу тебе, кто в доме хозяин!

Он потащил упирающегося Кота из комнаты прямо через проломленную стену под льющий сплошной стеной дождь.

— Этот грот дважды в сутки заполняется водой, Аластар, — Уолтер наклонился к прикованному цепями к влажному холодному камню полуголому Коту. — В первое время ты сможешь пережигать в себе силу и не захлёбываться, но рано или поздно ты ослабнешь без крови и начнёшь умирать. Дважды в сутки. А Симас поможет тебе не забывать, где ты находишься. И почему. Ты ведь помнишь Симаса?

Кот помнил Симаса. Мастер по допросам. Старый, опытный... палач. Не рассчитывая на ответ, Уолтер глумливо продолжил:

— Тебе не убежать от него в свои фантазии. Он вынет твоё сознание из любого укромного уголка твоей души. И заставит пожалеть, что с каждым отливом ты возвращаешься и видишь новое солнце.

Была ночь, и в маленькое округлое отверстие под самым потолком грота изредка пробивалась сквозь несущиеся по небу тучи луна. Капли дождя падали Коту на лицо.

— Когда ты начнёшь умолять о прощении, Симас выпустит тебя. Но вырвет клыки. Он это любит, а я не хочу лишать своего слугу такого удовольствия. И чтоб ты знал, гадёныш: это Симас вырезал сердце твоего отца. Сладких снов, Аластар!

Уолтер покинул грот. Михей задёргался в цепях, пытаясь освободиться.

— Я порвал их только на сорок восьмой день, — услышал он очень тихий, шелестящий голос Кота. Взрослого Кота, куратора и учителя. — Они зачарованы специально под герти.

— Ох, Кот!.. — сила, удерживающая Михея в теле маленького Ньярхаида, отпустила. Михей оказался рядом со стоящим у входа в грот учителем. Оглянулся на дёргающегося в цепях мальчишку. Вздохнул и потупился. — Прости меня...

— Это место я сравнял с землёй, — Кот будто не слышал его. Стоял напряжённый и весь какой-то колючий. Уголки его губ нервно подрагивали. — А Симаса разорвал первым. Выпил сначала, а потом разорвал. И через двое полных суток стал последним из рода Гофрэйдах.

Он неожиданно развернулся к Михею, глянул затравленно и дико, с разгорающимися зелёным огнём угольками в глубине глаз. Сжал кулаки.

— Я не горжусь тем, что сделал, — надломлено и скрипуче произнёс он. — Но и не жалею.

— Кот... — Михей остановил свою руку, которая почти коснулась предплечья куратора. Он не любит прикосновений. Вот почему он не любит прикосновений! Его же тут пытали! Сорок восемь дней боли и ужаса. Нужно вытаскивать его отсюда. Срочно! — Учитель, надо

уходить. Это воспоминания. То, что давно осталось в прошлом. Оставь их здесь. А, знаешь что? — Михей вдруг осенило. — Этот мальчик, не ты тогда, а он, здесь и сейчас, ждёт, чтобы его освободили. Давай отпустим его, Кот! Вместе.

Страх, боль, смятение, злость и ярость в глазах куратора сменились растерянностью.

— Отпустим? — шепотом переспросил он.

— Отпустим, — кивнул Михей и повернулся к уже увидевшему их и осветившемуся надеждой мальчишке в цепях.

— Они приходят в себя, Шу!

Михей открыл глаза. Встретился взглядом с Иватарном. Всё, как в первый раз на Гальционе. Михей что-то сломал, запихнул в себя, потерял сознание. Очнулся — рядом дракон, а у него на коленях вампир. Только в тот раз Иватарн смотрел спокойно, с интересом, готов был рассказывать истории. А сейчас... Одним «прости меня, Кэп» уже не отделаешься.

— Отцепись от него, — глухо сказал Иватарн.

Михей виновато прижал уши, осторожно разжал челюсти, слизнул с подбородка кровь и отполз подальше. Синий хвост обвился вокруг него, подтянул в обвешанные цацками смуглые руки.

— Он отойдёт, — шепнул Фаарха. — Кэп очень любит Кота.

— Я знаю, — вздохнул Михей и посмотрел, как куратор встревожено вглядывается в лицо напарника, обнимает его, зашевелившегося, прижимает к себе, игнорируя недовольное бурчание, зарывается пальцами в его короткие седые волосы. Кот ворчал что-то в ключицу Итарну, но Михей видел, что учитель улыбается. — Я знаю. И это так важно! Кто-то должен быть рядом, любить. И кому-то нужно дарить свою любовь. По-любому! Любовь исцеляет души. Спасибо, Шу.

— За что именно, хороший мой? — наг погладил лиса по взъерошенному загривку.

— За то, что позволил мне это понять. Не Ив дал Коту свою кровь перед боем, а ты. Так, м?

— Кто знает, — Фаарха склонил голову и прикрыл глаза. Его лукавую улыбку Михей принял за положительный ответ. — Пора домой, мой неугомонный разрушитель. От танцев с судьбой иногда нужно отдыхать.

Глава

V

Кошка на мели

Нерия попала в капкан. Она прошла сквозь дикие заросли, с боем продралась через обитающих в них монстров, незамеченной миновала охранные щиты и... попала в капкан. Пространственная ловушка, которую в отсутствие мага на корабле ни заметить обычным глазом, ни обойти. А мага не было. Капитан Нерии был неплохим пилотом, в этом ему не откажешь — провёл же к Сууширу! Но разглядеть капкан не сумел. И посадил корабль прямо на невидимую мель. Нерия прыгнула из зарослей, и пространство тут же скрутилось вокруг неё, деформировалось и съёжилось до небольшого островка. Говорят, боги этого окраинного мира не любят гостей. А ещё говорят, что боги эти — шельхаймы, но это бред и чушь. Семь хаймов под одним небом — перебор даже для миров истинных, что уж говорить про жалкий эвен.

Бэт крутанулась в кресле, хлопнула себя по коленям и решительно встала. Прошёл почти месяц, как они застряли на орбите Суушира. Еда закончилась. Конечно, перед полётом Нерию битком забили пайками, но сколько они сюда добирались? Ещё месяц? Полтора? В общем, кончилось всё. Две недели назад ещё. А потом кончилась команда. И опять же — конечно, они протянули бы дольше на стимуляторах. Но у кошки заканчивались силы, а больше их нечем было восполнить. В итоге — двенадцать трупов по всем отсекам. Возможно, даже помня о заканчивающихся силах, убивать никого не понадобилось бы, но... Но и но. Люди подумывали о том, чтобы начать жрать друг друга, а вот только каннибализма на Нерии не хватало. Поэтому Бэт перерезала весь экипаж, забрала их жизненную энергию себе и отпустила души людей чистыми от греха людоедства к Творцу. Творец отнесётся с пониманием к слабому мыслям о вкусной плоти брата своего, но вот воплощение таких мыслей в действие точно не одобрит.

Бэт перешагнула через лежащее в дверном проёме тело. Остановилась, размышляя пару секунд. Обернулась, нагнулась и подобрала валяющуюся на палубе фуражку капитана. Сдула пыль с жёсткого козырька, протёрла пальцем звезду на ленте и надела фуражку себе на голову. Сдвинула чуть на затылок. Великовата, но тем забавнее. Найти бы ещё трубку с табаком, но на памяти Бэт капитан никогда не курил.

Обзорный экран пискнул и разгорелся. Бэт удивлённо обернулась. Нерия находилась в ручном режиме и спала. Значит сигнал подаёт не она, а один из датчиков движения. Движения! Не может быть! Бэт одним прыжком снова оказалась у капитанского кресла, впилась глазами в экран. Так и есть! Корабль! Да не какой-нибудь, а крейсер! И шёл он из мира! Большую удачу и придумать было сложно. Только бы заметил! Заметил и подлетел, да так, чтобы не окатиться в капкане вместе с Нерией. Нужно отправить им сообщение. Предупредить. И запросить помощь. Бэт провела ладонью над панелью управления и сосредоточенно наморщила лоб, соображая, как этой штукой пользуются.

Шун заметил корабль сразу. Каравелла, лёгкая и хрупкая. Что она здесь делает? Команда Патрона пробилась к миру на линкоре-то еле-еле, да и то благодаря сноровке Зедекии. Может, бросили? Огни-то вон не горят, висит в Пустоте, как мёртвая. Нет, была бы мёртвая — свернулась бы в шар. Как Шофет. И вокруг бы летали человечки-пассажиры вперемешку с хламом. Значит, на борту что-то случилось.

Патрон вывел на экран сообщение. Каравелла запрашивала помощь и предупреждала о том, что сидит на мели, границы которой не знает. Вот те нате! Что ещё за мель? Андарс говорил, что вокруг Суушира полно капканов. Один из них? Патрон сейчас шёл строго по маршруту старого курса: след в след по тому пути, по какому прилетел сюда. И пока ему везло. Прогнорировать сигнал бедствия? Жаль упускать такой корабль. Пираты неплохо поживились на

драконоборцах, да и по миру прошвырнулись успешно и безнаказанно, нужды ни в припасах, ни в деньгах не было. Но каравелла... слишком заманчиво висела беспомощная и тихая — подходи и бери. Не в силах закоренелого пирата пройти мимо такой лёгкой добычи. Надо свистнуть ребят, чтобы подготовились к штурму. К добротному и правильному. В полной боевой выкладке. Вдруг всё-таки ловушка?

Держась на приличном расстоянии и орудуя только абордажными щупальцами, Патрон без проблем вытянул севшую на мель каравеллу, притянул к себе, прижался боком и срасстил корлионовые слои. Вся команда крейсера, вооружённая до зубов, осторожно вошла сквозь образовавшуюся в корпусе дыру на чужой корабль. Шун оставил четверых бойцов охранять проход и прикрывать тылы, а остальных повёл на капитанский мостик. Их никто не спешил встречать. И это напрягало. Было бы гораздо проще, начнись тут пальба без предупреждения. Проще и понятнее. А пустые коридоры настораживали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.